

НАТАЛЬЯ ЛИРНИК

АСИММЕТРИЯ

ОСНОВАНО НА
РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Наталья Лирник

Асимметрия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69767035

SelfPub; 2023

Аннотация

Выйти замуж в возрасте «за сорок», да еще переехать в новый город – это авантюризм или признак стойкости? Наталье кажется, что она готова ответить на этот вопрос, но жизнь внезапно подбрасывает еще одну задачку. В борьбе со смертельно опасной болезнью героине предстоит по-новому взглянуть на любовь и дружбу, разоблачить врачебную ошибку и найти свой путь к выздоровлению. А потом – решать, что же делать со своей жизнью после лечения...История основана на реальных событиях.***В период работы над книгой автор прошла обучение на равного консультанта в онкологии по специализациям «равный пациент» и «равный близкий». Все рекомендации, встречающиеся в тексте, основаны на принципах современной доказательной медицины.

Наталья Лирник

Асимметрия

Наталья Лирник

АСИММЕТРИЯ

основано на реальных событиях

*Вспоминай почаще. Опыт нанизывается, как бусинки.
Получится ожерелье, оно сделает тебя неуязвимой,
потому что ты видела все...*

Анастасия Архипенкова,
«Синдром изоляции»

Пролог

Однажды в нашей гуманитарной общаге МГУ появилась гадалка. Приехала откуда-то с юга в гости к одной студентке и задержалась, увлекшись Москвой.

Слухи о том, что Вика гадает, быстро расплозились по философскому факультету. Всерьез к этому никто не относился, но любознательность – хорошее качество для интеллектуала, и недостатка в клиентах у гадалки не было.

У Вики были длинные черные волосы и тихий голос. Разложив для меня карты, она предсказала мне брак с брюнетом сильно моложе. Брюнета пообещала красивого, но злого, а сердцу моему в результате брака суждено было разбиться. Мне было девятнадцать, я была влюблена в блондина, за которого собиралась замуж, поэтому только посмеялась в ответ. А потом Вика взяла мою руку и нахмурилась.

– В сорок пять ты заболеешь. Тяжело, – она дотронулась до раздвоенного кончика моей до обидного короткой линии жизни.

– Чем?

– Не знаю. И чем кончится, не вижу. Но если ты выживешь, проживешь потом долго...

Глава 1

Приезжать на работу на машине – и радость, и наказание. Мне нравится рулить, но страшно бесит проблема с парковкой. Я ведущий редактор, но никакого закрепленного места на стоянке перед издательством у меня, разумеется, нет. Поэтому стараюсь приезжать пораньше.

Быстрым шагом иду от машины к проходной. Прикладывая карточку, чтобы отметить время. Поднимаюсь в лифте на свой шестой этаж, с наслаждением осматриваю пока еще пустой огромный офис. Блестящие поверхности столов, небрежно развернутые в разные стороны кресла на колесиках, бесконечные шкафы с книгами. Мое издательство. Луч-

шая работа в жизни. Я делаю книги в компании людей, которые так же, как я, одержимы чтением.

Включаю компьютер, засовываю палец в горшок с цветком и щупаю землю – пока не просохла. Переобуваюсь в любимые замшевые туфли на шпильке. Логинюсь в рабочей системе и завариваю в огромной кружке черный чай. К моменту, когда на соседнее кресло приземляется начальница Светлана Пална, я уже изучила данные по продажам книг и готова к ее вопросам.

– Все отлично, Свет, – в глаза я зову ее по имени, чтобы соблюсти видимость демократии. – План выполняем, и новая серия зашла хорошо.

Светлана Пална – моя ровесница. Она приехала из восточной братской страны и яростно штурмовала Москву, пока не добилась должности начальника отдела в крупнейшем издательстве России. Это значит, у нее есть стабильность и престиж, хотя зарплаты бывают и получше. Закрепленного места на парковке у шефины тоже нет, так что в этом мы пока равны. Я появилась в отделе Светланы Палны одной из первых и пережила многих уволенных. Мне помогает квалификация, умение искренне гореть работой и полное равнодушие к продвижению по службе. Выше меня в отделе – только она, и Ворона строго присматривает за моими мыслями, регулярно устраивая «разговоры по душам». Мы делаем вид, что дружим, но это не так. Она недоуменно шурится, когда я рассказываю что-то о своей жизни, и строго следит за тем,

чтобы ставить свою фамилию в выходных данных всех книг, которые делаю я. «Руководитель отдела – Светлана Ворона». Фамилия гармонирует с ее блестящими черными волосами и прекрасно подходит для разговоров за спиной. «А что там наша Ворона?» – и мы с другими редакторами улыбаемся друг другу, делая вид, что ничего «такого» не сказали.

У Вороны глуховатый голос, спортивная осанка и всегда безупречно чистые стекла очков. Когда она недовольна, стекла блестят ярче обычного. Или это я придумываю? Сейчас стекла в обычном состоянии. Шефиня довольна. Ее правая рука (то есть я) пришла на службу раньше и прилежно трудится, готовясь к планерке.

Слава богу, интерес к работе мне подделывать не приходится. Иначе я бы, наверно, тронулась, сидя за соседним столом с таким живым сканером, как Ворона. До отдельного кабинета начальница пока не доросла – но мы все уверены, что ей это удастся.

Заполнять редакционный план – мой способ структурировать время и фантазировать о будущем. Здесь все, как я люблю: разнообразие тем и четкость процессов, но при случае все можно подвинуть и изменить. Книги, отправленные в типографию, книги в корректуре, книги, которые как раз сейчас верстают, которые только начали писать и даже те, которые лишь задуманы и в которых нет пока ни строчки – выстроены в таблицу, которая уходит в далекую перспективу. У книгоиздания непростые отношения со временем:

выпуск одних книг похож на выезд пожарной команды по тревоге – бешеный темп, напряжение всех сил, приоритет скорости перед качеством. Так мы делаем книжный фаст-фуд, который хорошо продается на волне очередного модного тренда, а уже завтра будет никому не нужен. Зато другие книги издаем не спеша, а иногда двигаем по плану годами – «нестареющая классика» подождет. Я предпочитаю что-то среднее: без кадров из сериалов на обложках, но и без золотой вязи вокруг портретов классиков. Сверяясь с издательской системой, раскрашиваю ячейки плана в разные цвета: тексты отредактированы, обложки заказаны, договоры заключены. С особым наслаждением вношу в пустые поля названия будущих серий, которые придумала сама. Это будут небольшие, интересные, изящно оформленные книги, их напишут талантливые авторы и купят женщины, похожие на меня. Наверно, в моем возрасте положено планировать уже более фундаментальные вещи. Но у меня дальше этой экселевской таблицы дело не идет. Мой книжный план надежен, но гибок, на него я могу опереться и равняться. Книги, в отличие от людей, не подводят и не ранят – это я усвоила с детства.

Ворона только изредка вмешивается в планирование. Она знает, что я хорошо понимаю свои задачи: вылизывать тексты, искать перспективных авторов, делать издательству продажи. Под этим соусом я периодически протаскиваю кое-какие свои идеи, и пока получается удачно. Поначалу Свет-

лана Пална сильно беспокоилась, когда на совещаниях с Шефом – начальником всей большой редакции, я вдруг начинала предлагать то, что мы с ней предварительно не обсудили. Но теперь в такие моменты она только улыбается, делая вид, что сама давно в курсе. Мы с Шефом поладили. Ему нравится, как я думаю, а это всегда взаимно. К тому же я четко соблюдаю правило: чтобы делать что-то свое, сначала нужно откатать обязательную программу. Мой гражданский муж Сережа называет это «Хочешь шубу? Сначала съешь носки». Анекдот про маму-моль и ее сына я узнала, когда мы познакомились. Уже семь лет прошло, а я до сих пор каждый раз улыбаюсь.

Итак, мои «обязательные носки» в порядке. Делаю несколько звонков и спускаюсь на два этажа, к экономистам. Они давно должны были просчитать стоимость одного важного тиража, но, как обычно, не торопятся это делать. А от того, в какую типографию я отправлю обложку книги и – отдельно – ее блок, зависит прибыль издательства. С удовольствием слушаю быстрый перестук своих каблуков. Сорок четыре – по идее, уже солидный возраст. Наши бабушки в такие годы носили костюмы с юбкой до колена, делали укладки в виде клумб и именовались по имени-отчеству. Но в наше время, когда пенсию по сути отменили, а возраст сорок плюс перестал считаться рубежом для выхода в тираж, мои ровесницы вполне успешно притворяются молодыми. Размер моей одежды почти совпадает с паспортным возрастом, и я

чувствую себя бодрой и даже привлекательной. Это не очень спасает, когда молодые красотки прямо в моем присутствии оценивающе смотрят на Сережу – а меня как будто и вовсе нет. В такие моменты я остро чувствую, что давно не ношу мини на людях, что шея моя слегка поплыла, а губы стали неприятно бледными. Но в целом я выгляжу хорошо, хоть и не так, как в юности. Сегодня почему-то побаливает грудь. Налилась, выпирает из лифчика – как сказала на недавнем осмотре врач, «организм решил устроить фейерверк перед закатом». Прикасаюсь к груди и чувствую укол горячей боли. Подсчитываю фазу цикла – ну все понятно, через несколько дней все нормализуется. Умудряюсь вежливо надавить на экономистов, получаю нужные цифры и взлетаю по ступенькам обратно на шестой. Даже не запыхалась, класс.

Плюхаюсь на вращающийся стул, глотаю остывший чай из кружки и вижу, как к моему столу идет мой любимый дизайнер Катя. Руки засунуты в карманы неизменных джинсов, взъерошенные светлые волосы стоят торчком, в ушах белые затычки наушников, веселые губы розовеют в улыбке. Проходя мимо, Катя подмигивает и молча кладет передо мной конфету.

– Кать, ты чего это? – удивляюсь я, но она только шире улыбается и уходит. Кричу вслед: – Спасибо!

Чуть позже мы стоим на крыльце с Вороной, она снова рассказывает о своих детях – точнее о своих гениальных педагогических решениях. Детей у нее трое, и я искренне счи-

таю, что она герой и хорошая мама. Говорю ей об этом, стараясь, чтобы это не выглядело лестью. Начальство хвалить трудно, одно неверное слово – и ты лизоблюд. У меня получается пройти по грани так, что и самой не противно, и Светлана Пална довольна, хоть и старается этого не показывать.

– Ну что, сегодня твой день? – Ворона щурится и точным жестом стряхивает столбик пепла в многослойно заплеваный зев урны.

– В смысле? – не понимаю я.

– Хочешь сказать, ты еще не в курсе? А, ну ты же у нас интроверт, с коллегами не общаешься.

Ну вот неправда. С коллегами я отлично лажу, а с Катей и с Надей из юридического отдела мы вообще, можно сказать, подружки. Но разговоры в курилке – и правда не совсем мой формат. Я вообще пытаюсь курить как можно меньше и почти никогда не участвую в посиделках с дизайнерами за кружкой пива. Может, правда возраст уже мешает.

– Ничего, не дергайся, скоро все узнаешь, – говорит Ворона загадочным голосом, который я ненавижу.

«Перестань истерить, – уговариваю себя, пока лифт тащит нас обратно на шестой этаж, – все с тобой нормально, проекты в порядке, ничего страшного ждать не приходится». Но от лифта к своему столу иду, как Железный Дровосек, который накануне попал под дождик. Наверно, Ворона слышит, как скрипят мои парализованные тревогой суставы. Всего полчаса назад мне казалось, что я счастлива, а сейчас как будто

погрузилась во тьму. Я понимаю, что глупо так дергаться из-за работы. Это всего лишь работа. Всего лишь моя лучшая, любимейшая работа за последние двадцать лет. Господи, как же бесит эта зависимость, вечная спутница гуманитарных профессий! Инженер или врач может себе позволить быть угрюмым, некоммуникабельным – любим, лишь бы хорошо делал свое дело. Гуманитарий же не существует отдельно от профессии. Будь ты трижды гений, обязан еще уметь нравиться людям. Иначе турнут, оглянуться не успеешь. Таких, как я, умельцев складывать слова в предложения – пучок на рубль в базарный день. Пытаюсь вспомнить, у кого из фантастов был рассказ об инопланетянине: тот старался понравиться всем подряд, и в итоге, когда люди собрались в большую толпу, беднягу разорвало на кусочки от необходимости соответствовать таким разным ожиданиям.

Открываю текст, который уже почти закончила редактировать. Притворяюсь, что читаю, и предаюсь привычным размышлениям. Каков наихудший вариант развития событий? Ворона сказала, «сегодня твой день». День, когда меня уволят? День сокращения штатов? И такое было в моей биографии: после полугода работы без выходных владелец одного ныне модного СМИ махом выгнал всю группу выпуска, пятнадцать человек. Мы чуть не сдохли, запуская его новый проект, а он даже не позвал нас на банкет. И наутро после праздника уволил всех без исключения. Зачем мы ему после того, как задача выполнена? Это бизнес, ничего личного.

Итак, если меня уволят, я останусь без дохода. Сяду на Сережину шею, буду искать новое место. За двадцать лет после окончания университета я научилась делать это быстро, потому что привыкла полагаться на себя и свои заработки. Как говорила моя учительница танцев: «Даже откидываясь на руки партнера, ты должна прочно стоять на ногах, потому что никогда не знаешь, когда мужик убежит». Работ у меня был, наверно, десяток, а подработок не счесть. Трудно вспомнить, когда я трудилась на одном месте, обычно одна работа у меня была основная, а еще две-три – дополнительные. Но как раз придя в издательство, я отказалась от этого правила. Сейчас у меня всего одна зарплата, и я вот-вот могу ее лишиться. Ты всего только раз в жизни осталась без денег, уговариваю себя. Незабываемое время. В Москве тогда стояла адская жара, в воздухе висел запах пожара от горящих в области торфяников, и чтобы не сойти с ума от безделья в четырех стенах, я каждый день выползала в ближайший парк с пледом и бутылкой воды. Лежала, закрыв глаза, и впитывала горячее солнце, которое заменяло мне еду. Денег оставалось – один раз оплатить аренду квартиры и еще чуть-чуть. Я покупала только кофе и папиросы – их уходило меньше, чем сигарет. Ела вареный рис с соевым соусом. Ненавижу рис, поэтому он и остался в запасе от лучших времен. Прожив так месяц и не съездив даже ни на одно собеседование, я вдруг зачем-то поперлась в центр, в любимый книжный магазин. Купить я ничего не могла, даже жалкая сумма за про-

езд казалась огромным расходом. Но там, среди стеллажей с книгами, я неожиданно встретила однокурсника, который в два счета устроил меня на работу. Интересную, и слава богу, денежную, хоть и недолгую,

Сколько времени мне понадобилось, чтобы найти это место редактора в издательстве? Около двух месяцев? Это нормально, на такой срок у меня хватит сбережений. Сережа, конечно, будет в бешенстве. Он не против меня содержать, просто не понимает, в каком мире я живу. Я же профи? Так почему я не могу работать десятилетиями на одном месте? Сам он трудится в одной компании уже пятнадцать лет. Умница и трудоголик, он тщательно избегает повышения по службе, чтобы заниматься реальным делом, а не становиться руководителем, руками водителем. Сережу ценят, и он знает, что может работать на одном месте, пока сам не захочет уйти. Ему сложно понять, что бывает иначе, и когда я в очередной раз меняю работу – он автоматически решает, что проблема во мне. А то, что в моей сфере можно быть крутым спецом и получать денег в месяц – на две оплаты ЖКХ, и при этом еще бояться увольнения – так просто не может быть, это я все придумываю. Не то чтобы он не верит моим объяснениям. Просто у каждого из нас свой слой реальности, и вместе им не сойтись.

Машинально ставлю пару недостающих запятых – вообще-то это не моя работа, а корректора, но мне проще исправить, чем читать рукопись с ошибками. Вот в этом месте ну-

жен заголовок, а какой? Набрасываю варианты, но один получается хуже другого. Тревога – плохой советчик.

За спиной возникает и растет звуковая волна шаркающих ног, смешков и тихих разговоров. Сижу, уставившись в монитор – меня не касается ничего, кроме работы. И слышу прямо над ухом веселый голос шефа:

– Наталья! Поздравляем тебя со званием лучшего редактора первого квартала! Ура!

Судорожно втянув воздух, поворачиваюсь вместе с креслом и вижу его сияющее лицо над большим растрепанным букетом. Шеф по своему обыкновению одет элегантно, но не строго: сегодня в серый костюм в тонкую полоску и в лиловую рубашку. Галстука на Шефе нет, поэтому он хоть и выделяется в джинсово-толстовочной, неформально-кроссовочной группе редакторов и дизайнеров, – но не пришлым варягом, а лидером, тесно связанным со своей стаей. Катя улыбается, стоя рядом с Шефом. Теперь понятно, в честь чего была конфетка. А я ее так и не съела.

Наконец, выдыхаю. Отчаяние уползает в свою нору. В глазах накипают слезы. Ерунда все эти штампы о разобщенности творческих людей. Это наша общая работа и общая радость – делать книжки, которые нужны людям. Вон как улыбаются, заразы мои дорогие.

– Ребята, спасибо вам большое! – встаю, обнимаю зависший в воздухе букет, прижимаю его к себе и чувствую, как вода с мокрых стеблей пропитывает ткань юбки на животе.

Улыбаюсь растерянно и все-таки хлюпаю носом.

– Так, Наталья, не реветь! Мы тебя поздравляем и желаем и дальше рвать книжный рынок на радость нам и на пользу издательскому холдингу! Ребята, а вы давайте поднажмите и потесните ее с этой позиции, – Шеф смотрит на свою команду и энергично жестикулирует. Он артистичен, и мы ему за это благодарны. Любая банальность в его исполнении кажется не такой унылой. – Уже два квартала подряд Наталья нам делает топ продаж, из пяти верхних позиций три – ее работа. Надо усиливать внутреннюю конкуренцию, чтобы внешние соперники и близко подобраться не могли! А теперь поздравим дизайнеров, которые делают лучшие в стране обложки! Коля, Катя, давайте, ведите нас к стенду бестселлеров!

Кладу букет на рабочий стол и иду вместе со всеми в широкий коридор, где на нескольких пюпитрах разложены лучшие книги нашей редакции. Ворона оказывается рядом и негромко замечает:

– Наташ, цветы надо в вазу поставить.

– Да, конечно, Свет. Сейчас закончим поздравлять и займусь...

Теперь моя очередь аплодировать. Катя, с которой мы делаем большинство обложек, сегодня триумфатор. Потом поздравляют Андрея: он придумал обложку, которая уже полгода держится в первой тройке продаж по всей стране. Долговязый очкарик машет коллективу волосатой рукой с пестрой коллекцией потертых хипповских браслетов. Как стран-

но, что именно ему пришла в голову идея сделать обложку, похожую на сумочку «шанель». Книжка о том, как выгодно выйти замуж, разлетается, как горячие пирожки – может, потому, что каждая может позволить себе бумажную «шанель» за триста рублей. Ну, и тема актуальная, конечно. А книжки нужны разные, главное, чтобы люди не перестали читать. Аплодирую так, что ладони начинают гореть. Молодцы ребята!

Пару часов спустя я, согнувшись и почти скрывшись под столом, переобуваюсь в туфли на невысоком квадратном каблуке. Любимые замшевые шпильки, которые задорно цокают при ходьбе, живут в офисе: рулить и бегать за покупками в них нереально.

– Уже уходишь? – раздается сверху голос дизайнера Кати. – Не хочешь с нами пива выпить, отметить успех?

– Катюш, прости... Мне пора бежать, я там обещала... – чувствую себя занудой, но я ненавижу менять планы на бегу, к тому же дома нет ужина.

– Ну окей, окей... – Катя улыбается и разворачивается, чтобы идти к себе. – Поздравляю еще раз!

– И я тебя, Катя! Ты талантище! Без тебя этого всего бы не было!

Сереза ест рассеянно, не замечая, что у него в тарелке. Букет, который я привезла с работы, стоит на столе в синей

вазе. Я успела пробежаться по магазинам, приготовить ужин и украсить стол, но это, похоже, важно только мне. Сережу устроили бы и пельмени из пачки. Он долго жил холостяком, пока я не появилась в его логове со своими котлетами.

Чтобы поселиться здесь, мне пришлось развестись с предсказанным гадалкой молодым брюнетом. Сергей ухаживал не то чтобы очень красиво, но настойчиво. Наличие у меня мужа его не смущало. А я была очень несчастна в браке и решила, что это знак. Я смотрю на Сережин слегка наморщенный лоб и посеребренные усы. Он всего на несколько лет старше меня, но когда мы встретились, он уже был седым. Когда улыбается, об этом забываешь. А еще у него чудесные руки и невероятная выдержка. Мы вместе уже семь лет, но химия между нами никуда не делась. Это тоже большой контраст с моим предыдущим мужем, у которого постоянно болела голова. С тем мы постоянно разговаривали, но ночевали в разных комнатах. С Сережей все наоборот.

Он очень устает, но почти никогда в этом не признается. Я уже полгода уговариваю его пойти к врачу, потому что однажды он заикнулся о шуме в голове. Но бывшая жена сказала, что у нее было то же самое. И поскольку она жива и здорова, Сережа решил никуда не ходить. Если я потеряю работу, это никак не скажется на нашем благополучии. Если заболит он, нам будет не на что жить и снимать квартиру. Но кажется, об этом думаю только я. А может быть, у Сережи есть план Б. Если он потеряет работу, он вернется к бывшей жене и у

них все снова будет хорошо. Мне важно, что не я разрушила его семью. Он развелся из-за другой – более молодой и более циничной. Потом у них не сложилось и появилась я. Но если мы расстанемся, думаю, он вернется не к той молодой, а к первой жене. Сергей любит стабильность. А что может быть стабильнее, чем прошлая жена с собственным жильем и кротким характером. Пусть даже она, в отличие от меня, совсем не умеет готовить.

– Вкусно тебе? – это мой дежурный вопрос, и Сережа отвечает, как всегда:

– Ага, спасибо большое, – кивает и смотрит куда-то в пространство. Раньше я расстраивалась от того, какой он рассеянный, а сейчас привыкла. Мне даже странно видеть мужчин, которые много говорят – как с ними жить-то?

– А у меня сегодня хороший день, – продолжаю изображать Шахерезаду, указывая на букет в вазе. – Опять стала лучшим редактором, теперь по итогам первого квартала. Представляешь?

Он вздрагивает, словно очнувшись ото сна, и огорошивает меня вопросом:

– Слушай, а что если нам на майские поехать в Пермь?

– В Пермь? – он не заметил мою новость, и мне обидно, но не сильно. Так, слегка. – А что мы там будем делать?

– Ну как обычно, шашлыки там, с ребятами повидаемся, – Сережа теперь говорит оживленно, даже весело. – У Соколова новый дом, он новоселье устраивает, собирает нашу брат-

ву. Все веселее, чем под пальмой сидеть в олинклюзиве.

Я молча встаю, собираю тарелки. Он не спускает с меня глаз, ждет ответа. Но мне нужно опомниться. Только позавчера мы обсуждали, как купим горящую путевку с вылетом «завтра» и просидим все майские праздники под той самой пальмой. Я тоскую по морю, с которым разлучена уже много месяцев. Каждый вечер, засыпая, вижу, как соленая вода переливается через мои пальцы блестящей глазурью, как радужные блики бегут по рукам и груди, когда я вхожу в воду, чтобы нырнуть с головой и поплыть, ни о чем, наконец, не думая... И вдруг – Пермь. Это родной Сережин город, у него там друзья и воспоминания, но тратить на поездку туда все майские? Он в последнее время и так часто летает туда из-за какого-то рабочего проекта. А я была пару раз и перестала ездить, все равно ведь полезно какое-то время проводить раздельно.

– Я что-то растерялась, Сереж. Там что, будет ваша обычная мужская компания?

– В этот раз все приедут с женами. Ты познакомишься, наконец, – если Сережа и обратил внимание, что в прошлые разы я уже знакомилась с женами его друзей, то уже забыл. Он вообще не помнит то, что несущественно. Мне бы так.

– Там все пары официально женаты?

Я задала неприятный вопрос и теперь спиной чувствую, как напрягся мой так называемый гражданский муж. Он не хочет жениться. Я, в принципе, тоже не горю желанием по-

лучить новый штамп в паспорте. Это мало что изменит в моей жизни. Но все-таки... Законный брак – что-то вроде правильно заполненной ячейки в бесконечном списке дел. А я люблю заполнять ячейки.

– Толян приедет с новой подругой, они не женаты... пока.

Я слышу в этом «пока» намек на капитуляцию или по крайней мере желание снизить напряжение, и поворачиваюсь к Сереже лицом.

– О, новая подруга? – мой голос звучит гораздо стервознее, чем мне хотелось бы. – А куда же делась старая?

– У него жена была, одноклассница наша общая, Лариска. Она от рака умерла в прошлом году.

– Господи, вот ужас-то, – машинально касаюсь костяшками пальцев деревянной кухонной столешницы. Рак теперь повсюду. А в моей семье, по маминой линии – у всех поголовно. Последней лечилась мама, прошло уже восемь лет, но забыть это невозможно. Слава богу, она жива и с ней все в порядке – хоть и стала инвалидом после серии операций, но рецидива нет.

– Поехали, Нат! Ты давно не была, я туда все один да один езжу. Пора тебе, наконец, вливаться в компанию, – Сережа обнимает меня за талию, и я, как обычно, таю от его близости. – А на море поедем обязательно. В сентябре. Хочешь в сентябре?

Конечно, я хочу. Я всегда хочу на море.

Директор по маркетингу, высокий и надменный человек, с которым мне никак не удается найти верный тон, подытоживает:

– Таким образом, мы здесь имеем восходящий тренд. Он продержится минимум до начала нового учебного года, то есть целый квартал будет огромный спрос на такие книги. Нам срочно нужна серия.

Светлана Пална, слегка порозовев от удовольствия, принимает его пас и продолжает атаку:

– Минимум четыре наименования для начала, чтобы сразу сделать серию заметной в магазинах. Думаю, за пару недель мы должны справиться. Сделаем приоритетный заказ в нашей типографии, отгрузим книги между майскими, к середине месяца уже будет полный эффект.

Шеф сияет от удовольствия, как тренер, который подготовил чемпионский состав. Вот как наша редакция реагирует на вызов! Как спокойно и профессионально планирует победу! Для таких прорывов Шеф и нанимает лучших специалистов, выцеживая их из сотен кандидатов на рынке, увлекает разговорами о высоком, сулит премии, а главное – вклад в развитие книжной индустрии! Потому что деньги не могут быть настоящим стимулом для такой адовой работы. Особенно деньги, которые нам платят в издательстве. Здесь для успеха нужна одержимость книгами: как источником знаний, как способом побега от реальности, как чувственным

продуктом, у которого есть запах, вес, форма, фактура. Мы работаем для тех, кто тратит на чтение деньги и время, кто волнуется, впервые открывая новую книгу и с любовью снимает с полки ту, с которой уже знаком. Мы сами такие. В основном. Но, конечно, издательство – это прежде всего бизнес.

– Светлан, отлично. Камиль, тогда держи все наготове. Как появятся обложки, сразу начнем разогрев перед продавцами. Кто будет ответственным редактором серии?

– Наташа, – без паузы отвечает Светлана Пална и тычет в меня наманикюренным пальчиком.

Я фыркаю, поперхнувшись воздухом, и громко переспрашиваю:

– Да?

Все смотрят на меня, как на дуру.

– А что, ты возражаешь? – Ворона выгибает тонкую бровь и иронически улыбается. – Думаешь, не справишься?

Я боковым зрением вижу враз посуровевшее лицо Шефа, презрительную гримасу Камилля и пытаюсь защититься:

– Сроки очень жесткие. До майских осталось меньше трех недель... Может, распределить задачи?

– Ну нет, тогда будет бардак. Ничего, все успеешь. Мы тебе дадим опытного автора. Ты ведь можешь выйти на работу между майскими?

– Светлана Пална, вы же мне вчера отпуск подписали до пятнадцатого мая. У меня билеты, их сдать нельзя... и пла-

ны...

– Ну, значит, ты все успеешь до отъезда, так даже лучше. Автора я тебе дам прямо сейчас, вот закончим совещание и познакомлю, – и Ворона опять улыбается, радуясь, что так ловко закрыла тему.

Я опускаю глаза на носки туфель. Мне очень нравятся мои туфли. Черт побери. Ну ничего, справлюсь.

За три дня до отъезда я сижу в редакции и в отчаянии смотрю в монитор. Катя, рассматривая изображение через мое плечо, тихо матерится и спрашивает:

– И вот это она тебе сдала?

– Ага, – только и могу произнести я.

– Пипец, конечно. А первая книжка такого же качества?

– Да нет, первая была прям хорошая. Она ее за неделю слепила, я даже удивилась. А со второй уже был затык. Она сначала обещала сдать ее чуть позже, чем договаривались, потом сказала, что пришлет все остальные вместе. Я ее тормозила, тормозила и вот наконец получила... Не три, а всего одну. И вот такую. Катя, с этим можно хоть что-то сделать, а?

В моем голосе звучит отчаяние, и для этого есть причины. Я либо срываю выпуск серии и лечу в Пермь, либо остаюсь работать на праздники и получаю колоссальные проблемы в личной жизни. Сергей не любит менять планы. И это еще мягко сказано. А этой поездки он ждет с какой-то особенной

радостью, даже не понятно, почему. Да и мне давно нужен отпуск. В последние недели я непривычно сильно устаю и постоянно хочу спать.

Катя выпрямляется и, поглубже засунув ладони в карманы джинсов, перекатывается с пятки на носок и обратно. На ней белоснежные кроссовки. Такие неправдоподобно чистые, как будто она надела их всего пять минут назад.

– Ну... про текст я не скажу, я ничего в этом не понимаю. Но фотки не годятся, с ними сделать ничего нельзя, – Катя, может, и хотела бы смягчить удар, но она профессионал и знает, что мне нужно не утешение, а правда. – Даже при том, что они в этом макете мелкие, все равно не годятся. Они темные, в расфокусе, их вытянуть нереально. Надо все пере-снимать, Наташ.

– У нее свой фотограф, представь? – я откидываюсь на спинку кресла и цежу слова медленно и как будто спокойно. На самом деле, хочется орать и топтать ногами. Но именно этого я и не делаю. – Мне ее Ворона сосватала именно как человека, который может сделать книгу с нуля и сдать полностью готовый макет...

– Эх, – Катя вдруг улыбается. – Слушай, ну мы хоть обложки вовремя сделали, и то хорошо. Они уже в печати, значит, хотя бы их не придется ждать. Это же плюс?

– Это точно плюс. Кать, ты молодчина и гений, я бы без тебя пропала. Но делать с этим...

Появляется Ворона: блестящие стекла очков, хитрая

улыбка, походка от бедра. Либо у меня паранойя, либо она действительно расцвела после того, как всучила мне эту проблемную серию, да еще прямо перед отпуском. Она теперь почти каждый день уходит из редакции раньше обычного, а на меня бросает сочувственные взгляды: ах, бедняжка, сколько же у тебя работы.

– Что у нас здесь? – нежным голосом журчит Ворона.

Я выдыхаю весь воздух из легких и отодвигаюсь от стола так, чтобы ей было видно изображение на мониторе:

– У нас ЧП. Райкина прислала негодный макет. Все надо переделывать.

– Так-таки переделывать, – мурлычет руководительница, взглядываясь в файл. Тянется ухоженной рукой за мышкой, пролистывает макет вперед и назад, все больше мрачняя.

– Катя посмотрела фотографии, они технически не подходят, – я говорю тонким сбивающимся голосом, чувствуя себя девчонкой перед учителем. Да, я помню, что этого автора мне дала сама Ворона. Но мама учила искать причины всех проблем в себе, и я так и делаю, хотя давно уже выросла. – Тексты слабые, и это беда, конечно, но их хотя бы могу быстро переписать. Но эти фотографии вообще нельзя выпускать. Автор нас подвела! Мы заказали ей четыре книги, расписали темы и содержание, она все пообещала сделать в срок, и вот... Серия не готова. Если бы я знала, что она так относится к работе...

Что я бы сделала, если бы знала? Как минимум, распреде-

лила бы работу по нескольким авторам, чтобы каждый сделал по одной книге. На месте Вороны я бы точно поступила именно так. Но она, обычно такая осторожная, вдруг при работе с такой важной серией сложила все яйца в одну корзину: один автор, один редактор и времени в обрез. Я молчу, чувствуя страшную пустоту внутри. Что будет с книгами, с планом, с моим отпуском, с работой, с будущим?

– Наташ, успокойся. Все решим. Я когда сюда пришла, план выпуска был напрочь завален. Я тогда за месяц одна закончила и выпустила двадцать восемь книг, а сейчас нас тут целый отдел, – это была любимая история Вороны, от которой всех уже тошнило. Но сейчас она не просто хвастается, а обещает спасение...

– У меня до отъезда осталось три дня... – бормочу я растерянно.

– Не дергайся, – говорит Ворона и смотрит на меня тепло, будто мы с ней и правда подруги. – Давай так. Я сама свяжусь с Райкиной и поговорю с ней о переделке фото. Ты за оставшиеся до отпуска дни перепишешь тексты. А остальное мы тут сами доделаем на праздниках. Не впервой работать в майские. Первую книгу уже печатают, следующие чуть запоздают, конечно, но все равно к концу мая у нас будет серия, – чувствую, как в душе нарастает теплая волна, и регистрирую: «Стокгольмский синдром. Приступ острого обожания к человеку, который меня втравил в эту ситуацию, а теперь протягивает руку помощи». – Ты, главное, добей-

ся, чтобы в типографии нас подождали, скажем, до второго мая. Камиль уже договорился в магазинах о приоритетной выкладке, они сначала первую книжку положат, а остальное потом. Все уладим, Наташ. Одна ты не справилась, но мы же команда, общее дело делаем. Лети себе спокойно, куда ты там летишь?

– В Пермь, – отвечаю тихо, изо всех сил стараясь не заорать от несправедливого «ты не справилась».

Ворона смотрит на меня удивленно:

– А ты что, из Перми?

– Нет, это муж мой... ну не муж, он гражданский муж, мы пока... – черт, я опять тараторю и оправдываюсь!

– Хорошо, Наташ, лети в Пермь.

Глава 2

В самолете я прижимаюсь к Сережиному плечу и погружаюсь в блаженное ощущение покоя – все в порядке, все на своих местах. Впереди почти две недели личной жизни – время, в которое мы надышимся друг другом за все прошедшие месяцы. В самолетах и гостиницах между нами возникает особенная близость. Мы часто касаемся друг друга и шутим больше обычного.

Сережа смотрит в иллюминатор, провожая взглядом здание аэропорта. Он всегда садится у окна, а мне достается неудобное место в середине ряда. Я привыкла к тому, что в личной жизни приходится приспосабливаться. В прошлом

браке это стало проблемой, потому что партнер был моложе и слабее. Но в случае с Сережей я не против уступить. Мне нравится смотреть, как он с детской сосредоточенностью старается не пропустить ни одной детали взлета и посадки. Он помнит расположение взлетно-посадочных полос в разных аэропортах, ориентируется по сторонам света и понимает, как ветер влияет на маневры самолета. Его дед был летчиком, воевал. А Сережа носит очки и вынужден любить авиацию на расстоянии.

Нас встречают в аэропорту, везут в холеную квартиру одноклассника Соколова, сделавшего карьеру в администрации края. Сам Соколов приехать не смог, государственная служба не позволила. Вместо него приехал Толян – тот самый, который был женат на однокласснице Лариске и стал вдовцом из-за ее рака. Надеюсь, мне удалось не слишком пялиться, отыскивая на его лице следы потери. С виду он вполне обычный мужик, спокойный и бодрый. Сережка обсуждает с Толяном детали завтрашнего сборища у Соколова – там должно бытьлюдно, но по-домашнему, все свои. Потом он уезжает, а мы идем гулять на набережную.

Пермь – город симпатичный, но мне пока не понятный. Меня завораживают огромная мощная Кама и раскинувшееся над домами просторное, бледное северное небо. Нравятся сосновые леса рядом с городом, они похожи на мои родные, подмосковные. Но не удастся уловить гармонию в чередовании домов, в строении улиц, не получается почувство-

вать стиль города. Возможно, просто не хватило времени. За несколько поездок сюда я успела сложить всего несколько картинок здешней жизни. Улицы в центре, где в детстве жил и учился Сережка, его любимые места, его друзья – удивительно сплоченный класс, дружат всю жизнь. Моего тут ничего нет. Меня в Перми всегда водят за ручку и в соответствии с чужим расписанием. Единственное, что сделала по своей инициативе – прошла по местам из «Доктора Живаго», сходила в оперу и в Дягилевский дом. А еще отыскала свой символ в пермском зодиаке. Я оказалась Стрекозой – то есть существом, которое летом летает, а на зиму превращается в человека. Девушка, которая продавала мне кулон, сказала, что Стрекозы индивидуалисты и одиночки, они постоянно меняются, мечтая при этом о стабильности. Забавно, что символом Сережи в пермском зодиаке оказался Бобр. Труженик и опора для близких, который не понимает чужих эмоциональных порывов. Не могу сказать, что верю в астрологию, но точность наших портретов меня впечатлила. Сережка, как и положено Бобру, скептически хмыкнул в ответ на мои восторги, но купил мне кулон со Стрекозой, хотя я и пыталась отказаться. Я надеваю свою Стрекозу, когда нуждаюсь в оправдании своих метаний. То есть часто.

Мы шагаем по набережной, взявшись за руки, и Сережа, как обычно, молчит. А я думаю об образах детства, которые следуют за нами, куда бы мы ни направились. Мы не выбираем семьи и места, в которых появляемся на свет. И вот

один человек рождается и растет в огромном городе, где такси обгоняют троллейбусы и даже самые древние старушки, собираясь в булочную, красят губы и делают прически. Другой с детства видит вокруг себя сонный купеческий городок, в котором уже лет сто не случилось ничего значительного. с каменными торговыми рядами, быстрой нарядной речкой и главной достопримечательностью – зданием вокзала или городской администрации. Третий подрастает в маленьком таежном поселке в забытом Богом углу, ездит в школу на грузовике за пять километров и вечерами, сделав уроки, убирает за коровами. Или за коровами утром убирают?

В какой-то момент все трое уже взрослые и встречаются, скажем, на работе – конечно, в Москве. Они примерно одинаково одеты, одинаково говорят, обсуждая «проекты», «эффективность» и «инновации», одинаково обставляют свои тесные квартирki в мегаполисе и даже одинаково отдыхают. Им недосуг, а может быть, неловко вспоминать свое нестоличное происхождение, да и зачем о нем вспоминать?.. Но всю жизнь эти одинаковые с виду люди смотрят непохожие сны. В их персональных кинотеатрах крутят разные фильмы: про резной белый кремль над спокойной рекой, про голубые лисьи следы на бескрайнем плотном снегу, про маленький полустанок, на секунды согретый желтым светом из окон поезда дальнего следования, про высокие яркие фонари и звон трамваев, поворачивающихся на ночь в депо... Эти образы из наполненного надеждами детского далека живут в каждом,

как сердцевина ствола, невидимая под поздними и более толстыми годовыми кольцами. Сердцевинок не видно, но имито мы и отличаемся.

Мы с Сережей – люди с разных планет. Познакомились настолько случайно, что это можно назвать чудом. Специально потом проверяли: шансы на встречу были нулевые, хотя мы почти ровесники и много лет жили в одном городе. Просто однажды на каких-то необязательных курсах я оказалась в одной группе с девушкой, которой Сережа должен был что-то передать. И дождавшись, когда мы с ней вместе вышли с занятий, пригласил обеих в ресторан. А потом она дала ему мой номер, потому что ей показалось, что это хорошая идея. Она не знала мою теорию о сердцевинках, ей просто понравилось, как мы с Сережей мгновенно нашли общие темы для разговоров. Через семь лет я пытаюсь, но не могу точно вспомнить, что тогда нас так объединило. Мы оба были очень одиноки, но точно не обсуждали это вслух.

Я выросла в маленьком подмосковном городке, где у детей не было бабушек и дедушек. Сердцем города был институт ядерной физики, в который со всех концов страны и из соцстран съезжались молодые люди – умные, веселые, одержимые наукой. Вчерашние студенты, будущие кандидаты и доктора наук сами строили жилье и рабочие корпуса, проводили эксперименты на сверхсовременном ядерном ускорителе, открывали новые элементы таблицы Менделеева, писали диссертации, смотрели модные фильмы в Доме ученых,

много и весело пили, танцевали и флиртовали. В молодой и уютной Дубне все знали друг друга максимум через вторые руки, здоровались на улице, придерживали двери для идущего следом и увлекались хоть каким-нибудь спортом – теннисом, волейболом, туризмом или плаванием. Невест себе физики тоже привозили издалека, потом переженились внутри своего узкого круга на женах и мужьях друзей, да не по одному разу. В полных семьях детьми еще кое-как занимались, но там, где родители развелись, а таких было, кажется, большинство, детвора росла «с ключом на шее». Я свой ключ умудрялась регулярно терять: достаточно снять ленточку с шеи, надеть на палец и хорошенько крутануть – и он улетит, ищи его. Миром моего детства был юный малоэтажный город и высокий, пахнущий хвоей лес, где сосны шелушились розоватыми чешуйками и плакали смолой, деловитые муравьи бегали по толстому ковру из рыжеватой хвои, а низкорослый черничник рожал крохотные кислые ягоды. В учебные месяцы я гуляла там – иногда с подружками, но чаще одна. На Волгу мне было нельзя: постоянные простуды и страшное слово «астма» в медицинской карточке держали маму в состоянии постоянного напряжения, потому купаться мне было запрещено под угрозой страшных кар.

К бабушкам и дедушкам я, как и все мои одноклассники, ездила. Один комплект старших родственников был «зимним», другой «летним». На январские каникулы меня отправляли к маминим родителям в Минск, и это каждый раз

было суровым испытанием со слезами над невкусным супом, с бесконечным мытьем и без того сверкающих чистотой полов и отсиживанием спектаклей в республиканском ТЮЗе, где актеры говорили на непонятном языке. Мне казалось, что в минской квартире всегда холодно – может быть, даже летом. Бабушка и дед постоянно были слегка на взводе, разговаривали криком: иначе словам было не прорваться через слуховой аппарат, спрятанный за каштановым завитком бабушкиного парика. Она была очень больна еще с войны, и подчиняясь этому факту, жизнь семьи проходила безрадостно и нервно, словно под девизом «раз уж выпало родиться, нужно тянуть эту лямку через не хочу».

В другой родственный комплект входили родители отца, к которым иногда приезжали еще тетка, дядя и младшие внуки, которые приходились мне двоюродными и троюродными. В этом доме все было иначе: хрустящий свежим бельем, пахнущий головокружительно вкусной стряпней домашний уют, лето и солнце, легкость одежды, бесконечные игры с компанией загорелых дотемна местных мальчишек (девочек в бабушкином дворе почему-то не водилось). Вокруг дышал и нежилась роскошный тропический юг: после долгих скитаний по военным госпиталям (дед был врачом, а бабушка – медсестрой) семья осела в Сочи. Здесь папины родители работали в санатории на горе, вывеска которого была видна вечерами с ажурного балкончика нашего трехэтажного дома. У подъезда, рядом с высоким крыльцом, дремала в тени

пышная гортензия с округлыми шапками бледно-голубых и лиловых цветов. В молочном магазине, куда меня через день отправляли за покупками, я, отстояв длинную очередь из «курортников», покупала холодные бутылки со сладким кофейным молоком, густыми сливками и кефиром (это кислое, для деда). На рынок ходили вместе с бабушкой. Там после трех обязательных проходов по ароматным красочным рядам (сначала – посмотреть, что есть; потом – прицениться тут и там; и только потом – покупать) потертая на углах кошелка наполнялась молодой картошкой и укропом, твердыми от сока яблоками, нежной черешней и помидорами, в каждом из которых, кажется, была спрятана под тонкой кожей годовая норма солнечного света. В Сочи у бабушки все было красиво, ярко, вкусно и можно. Пропадать на улице с утра до вечера, брать с собой кусок серого хлеба с солью, валяться на постели с книжкой, ходить на речку, а с какого-то сознательного возраста – и на море одним, без взрослых.

В обоих домах – и зимнем, и летнем – были большие и очень разные библиотеки: собрания сочинений, «макулатурные» издания, книги на украинском и белорусском языках, а в Сочи водились даже дореволюционные издания с «ятами» и иллюстрациями, прикрытыми тоненькой калькой. Дед собирал их с юности. С книгами я проводила весь год. Зимой в Минске – прячась от холода и сдержанной враждебности маминой родни («посмотри на себя – ты же вылитый

папочка, и характер такой же вредный, вся в него!») Летом в Сочи – растягивая с помощью книг сладостное время подступающей юности, когда все в новинку, сил с каждым днем все больше, а надежды и планы только обзаваются контурами, которые можно перерисовывать, сколько хочешь. В настоящей, не каникулярной жизни в родном городе, чтобы не приставать лишней раз к вечно усталой и занятой маме, я искала в книгах все – от советов по варке супа и схем вязания крючком до высоких нравственных ориентиров и намеков на будущие испытания. Я варила супы, училась вязать по книжкам и навсегда привыкла быть счастливой наедине с бумажными страницами. И всю жизнь в моих снах было много книг, а с ними хвоя, ароматные чешуйки сосновой коры, море и солнце – все попеременно.

У Сережи в детстве тоже были сосны и река, но его родной город совсем другой: старый и работающий, с глубокой историей, с легендами о кладах и чудесах местной природы. Бабушки и дедушки его тоже были уральские, весь род коренился в северной почве, и Сергей плоть от плоти ее: спокойный, основательный, неторопливый и не склонный к фантазиям – полная моя противоположность. Я жалела, что встретила Сережу поздно и не застала его родни – совсем никого. Как-то пыталась узнать, снится ли ему Кама, которая поражала меня каждый раз, когда я оказывалась на его родине. Но он только хмыкал и пожимал плечами – не любил отвлеченных разговоров. В такие минуты, как эта, мне казалось,

что да, конечно, река ему снится. Не может не сниться. Вот он стоит, задумавшись, и смотрит на холодную воду, и его серые глаза того же оттенка, что река – камьего.

– Наташа, я должен кое-что у тебя спросить, – говорит он, переводя на меня взгляд. – Что, если нам пожениться и переехать жить сюда?

Я тихо ахаю, а потом смеюсь:

– Куда «сюда»? В Пермь? Ты серьезно?

– Вполне. У меня есть предложение по работе. И если я его приму, мы сможем здесь очень прилично устроиться.

– Приехали, – выдыхаю и отворачиваюсь. Река не дает советов – мы не в кино, но мне нужно несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Сереза молча ждет ответа, который, в принципе, заранее ясен нам обоим.

– А скажи мне, милый друг, – говорю я, не оборачиваясь, – вот эта надпись, у которой мы сейчас стоим, это серьезно или троллинг?

– В каком смысле троллинг? – недовольно спрашивает он.

– Ну смотри, тут написано: «Счастье не за горами». А никаких гор нет до самого горизонта. Это значит, что счастья тоже нет?

– Наташ, не знаю я. Это ваша гуманитарная тематика, я в ней не разбираюсь и не хочу. Ты по сути что-то скажешь?

– А можно мне замуж выйти, а в Пермь не переезжать? – звучит по-идиотски, но я и правда растеряна таким поворо-

том. Я люблю Москву, живу там с шестнадцатью лет и у меня там работа.

– Нет, это пакетное предложение, – он уже улыбается, но смотрит требовательно. – Если ты откажешься, я тоже откажусь, мы вернемся в Москву и все будет по-прежнему.

Мне внезапно становится горько. Я чувствую, как плечи сгибаются, словно из меня выпустили всю легкость и беззаботность. Хорошенькое предложение руки и сердца, ага. Это максимум романтики, на который мы способны.

– Ты знаешь, что я тебя люблю и хочу за тебя замуж. Но у нас же не может быть все просто, да? Мы не можем просто пожениться, нужно обязательно всю жизнь изменить, – говорю глухо, глядя куда-то между его плечом и Камой.

– Наташ, ну не расстраивайся. Все хорошо будет, я обещаю. Я все обдумал. Честно. Вот увидишь, – он обнимает меня, глубоко вдыхает у моего уха и тихонько целует в волосы, в щеку, в губы. Я прижимаюсь и тут же ойкаю:

– Пусти, Сереж. Грудь что-то больно.

В ту ночь, после посиделок с друзьями, мы ложимся спать одновременно, что в Москве в последнее время случается редко: Сережа любит засиживаться почти до рассвета. Он прижимает меня к себе, устраивает мою голову в ямке под плечом и нежно поглаживая мою спину, говорит размеренно, словно рассказывает сказку:

– У нас будет дом. Свой дом. В лесу...

– Как в лесу? А где мы будем работать?

– Это хороший лес, вот этот лес, тут до города самое большое двадцать минут ехать. Я буду работать в большой компании, буду большим начальником с большой зарплатой.

– Это тебе предложили после того проекта, который ты здесь делал последний год?

– Да... Я буду начальником, буду ездить на работу. А ты будешь дома. У дома будет большой участок, на нем будут качели, ты будешь сидеть на качелях и читать свои книжки. У тебя будет много-много книжек, целая библиотека...

– А как же я буду без работы? – слушая его распевную интонацию, я втягиваюсь в игру и говорю беспомощным детским голосом.

– А без работы ты будешь легко и просто, Наташенька. Ты наработалась достаточно, тебе нужен покой, свой дом, мы заведем кошку, а может, и собаку тоже.

– Кошку! – мгновенно требую я. Пока мы живем на съемной квартире, о том, чтобы завести животное, не может быть и речи. – Но, Сереж, я же правда тут с ума сойду одна, в лесу, без друзей, без культуры.

– Наташ, ну а в Москве ты много своих друзей видишь? У всех семьи, дети, ты же вот с Алиной и с Ольгой созваниваешься чуть не ежедневно, а видите вы в лучшем случае раз в несколько месяцев. Такой график вообще без проблем сохранить... Культуры в Перми достаточно, сама знаешь. Ну и

всегда можно сесть в самолет, два часа – и ты в Москве... И потом, я же вижу, как ты все эти дни дергаешься, пытаешься дозвониться до этой своей Вороны, а она никак не выходит на связь. Это безобразие, а не работа. Тебе платят копейки за адский труд, да еще и нервы мотают.

Я молчу, уткнувшись носом в родное и теплое, мне очень хочется перестать спорить и просто следовать за тем, что он придумал...

– Тебе очень хочется вернуться в Пермь, да?

– Знаешь, я так устал от Москвы. Я там столько лет прожил, но город все равно мне чужой. Я там всегда буду одним из многих. И давай начистоту, я не справлюсь там с квартирным вопросом. Не хочу за бешеные деньги брать двушку на окраине и каждый день по пробкам пробиваться на работу и обратно. А здесь все прямо складывается. Соколов дом для нас придерживает, его знакомый хотел выставить на продажу. Прямо здесь, в поселке.

– И у нас хватит денег?

– Есть схемы, не волнуйся об этом. Говорю тебе, я все обдумал. Мы не дети уже, хочется осесть...

Полчаса спустя Сережа тихо похрапывает, а я лежу без сна, глядя в потолок и мысленно сводя баланс. Действительно, в Москве терять нам особо нечего. Для Сережи этот переезд, похоже, очень важен. Он все подготовил, осталось сделать всего один шаг. И он предлагает мне то, о чем многие только мечтают: спокойную обеспеченную жизнь, размерен-

ную, устроенную по своему вкусу... Вот только мама... У нас странные отношения, каждый разговор заканчивается ссорой. Но мне важно знать, что я близко и случись что, могу приехать и как-то помочь. И еще моя работа. Книжки. После стольких лет я, наконец, делаю то, о чем мечтала всю жизнь. Может, и в Перми найдется для меня издательство? А здешние сосны так похожи на те, из детства... И дом. Я ведь всю жизнь мечтала о доме... Может, и правда пора?

Ранним утром я стою у окна, завернувшись в плед, и замороженно смотрю на улицу. Слышу, как возится, проснувшись, Сережа, и говорю ему:

– Смотри, снег! В мае вдруг выпал снег!

– Ну да, здесь это обычное дело, – он зеваает и протирает заспанные глаза.

– Прямо как в детстве: золотые сосны, от них лиловые тени и снег белый-белый... Я такого не видела не помню сколько, – я провожу пальцами по воздуху у стекла, будто рисуя отражения сосен, и говорю: – Знаешь, что... Я согласна. Давай жениться. Раз уж ты решил мне обеспечить такой вид из окна...

И сбросив плед, быстро лезу обратно в постель, прикасаясь к его коже холодными пальцами и теплыми округлостями.

Норовистая уральская погода показывает себя во всей

красе. Утром я успела пройтись по новенькому хрустящему снегу, а к обеду он уже потемнел и поплыл талой водицей по низу сугробов. Обувки у меня нет ни для одного из вариантов. Май ведь, я прилетела в кроссовках и еще взяла туфли на выход – конечно, черные, ну кто же знал, что тут придется замуж выходить.

Стоя у окна и разглядывая высоченные сосны, похожие на стропила огромного радостного храма, я слушаю гудки в телефоне. Наконец, трубку снимают.

– Мам, привет! Как ты?

– Как обычно. Что звонишь?

– Ну так, узнать, как дела, – привычно продираюсь через начало разговора с матерью, зная, что после первых ритуальных реплик он может повернуть в любую сторону. Но сегодня, думаю, все пройдет хорошо.

– Ну какие у нас дела? Все по-старому.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – отрезала мать, и я понимаю, что она вот-вот бросит трубку.

– Мам, Сергей мне сделал предложение, – выпаливаю скороговоркой и тут же мысленно чертыхаюсь: могла бы не так радостно, зачем подставляться.

– А что случилось?

– Да ничего, просто мы решили пожениться.

– Ну поздравляю. Я думала, он умнее. После стольких лет купить корову, которая тебе и так дает молоко... Но – тебе

– повезло, – с расстановкой подытожила мать.

– Мам, ну зачем ты так... В общем, мы поженимся и переедем в Пермь... Я волнуюсь, что...

– Куда? – в трубке сухой мелкой фасолью рассыпается мамин смех. – А, ну теперь все понятно... В Пермь! В его-то годы... Где он другую дуру найдет, которая с ним поедет из Москвы. Все понятно, – и она снова хихикает, очень довольная то ли своей пронизательностью, то ли унижительной для меня ситуацией.

– Я беспокоюсь, что буду далеко, мам. Если что, мне будет долго добираться, – стараюсь говорить спокойно, по-деловому. Когда мать в своем репертуаре, мне даже легче собраться. Вот ее нежность выбивает из колеи – хотя когда это было в последний раз? Уже и не припомнить.

– Не беспокойся. Мы, слава богу, справляемся. И твои приезды ничего не меняют.

– Хорошо. Деньги я постараюсь по-прежнему высылать. Только с работой решу, и все будет по-прежнему.

– Никому твои копейки на хрен не нужны, – отрезает мать. – Я тебе каждый месяц говорю: за каким хером ты их от себя отрываешь? Слава работает, у нас все в порядке с бюджетом. И ты еще свои суешь, сколько ты там зарабатываешь?

– Мам, я...

– Неважно, – перебивает она. – Свадьба-то будет у вас?

– Мы не обсуждали пока.

– И правильно. Нечего людей смешить, в ваши-то годы.

Распишетесь потихоньку и все.

– Да, наверно, ты права.

– Вот в том-то и дело, что я права. Я тебе говорила, что надо пристроиться. Ты пристроилась. Ну и молодец. И хорошо, что вы уезжаете. В Москве девиц полно, отбили бы еще. А в Перми тебе проще будет, ты на тамошнем фоне выделешься, все-таки не провинциальная штучка.

– Мам, ну о чем ты? Пермь – огромный город, здесь такие элегантные женщины, и вообще все очень прилично, и театры есть, и музеи...

– Ладно, мне твои лекции ни к чему. Поздравляю тебя. Сергею привет. Я пошла ужин готовить.

– Хорошо, мамуль, спасибо.

За время нашего разговора за окном совсем стемнело, и от высоких сосен остались только подножия, освещаемые светом фонаря. Опускаюсь в кресло и выдыхаю, будто сбросила с плеч набитый камнями мешок.

Ну что ж, похоже, мама рада. По меньшей мере, она одобряет новый поворот моей извилистой судьбы. И она права, конечно. В наши дни выйти замуж в возрасте за сорок – невероятная удача. Хорошо, что Сережка такой стабильный и основательный человек. Другой и правда мог поменять старую подругу на «двух по двадцать». Хотя... Нынешние двадцатилетние, наверно, не сильно клюют на взрослых женихов, если к штампу не прилагается толстый кошелек. Девчонкам же хочется дорогих подарков, поездок на курорты, пышных

свадеб и детей в нарядных шмотках. Тихая жизнь в сосновом лесу – заманчивый вариант для таких, как я: измотанных, всю жизнь мечтавших просто иметь возможность не работать и не умереть при этом с голоду. Дай мне собственный дом, свободное время, книги на полках, прогулки в лесу – и я буду счастлива без курортов и нарядов. Интересно складывается судьба. Пока была молодая и красивая, работала, как лошадь. А теперь поступаю на содержание к мужику, с которым нет ни общих детей, ни испепеляющей страсти, которая была поначалу... Зато есть уверенность, что случись что, мы будем друг другу опорой и справимся со всем, что суждено. Хотя, возможно, мама права, и я в этом браке нужна только в роли бытовой техники?

– Наташик, ты чего здесь в темноте сидишь? Пойдем, там тебя уже хватились! – вошедший в комнату Сережа мягко берет мое запястье и притягивает к себе. – Как грудь твоя, не болит больше? – и прижал, закрутил, целуя в шею.

– Все хорошо, Сережкин, – шепчу ему радостно. Может, мы не самые романтичные ребята на свете, но кто сказал, что все должны быть счастливы одинаково? (Да, я в курсе, в курсе, кто это сказал: великий знаток человеческих душ, который весьма изощренными методами уничтожил собственное семейное счастье. Книжки он писал великие, но в личной жизни Лев Николаевич мне не указ).

В итоге все получилось неплохо. Может, даже к лучшему, что у меня не было возможности подготовиться к внезапной свадьбе. Меньше нервов, меньше сомнений. Мы, конечно, не поехали в загс в выходной, когда он забит «настоящими» свадьбами. Затеряться в толпе разнаряженных гостей и новобрачных, стоять в сторонке, отмахиваться от предложений фото-и видеосъемки – ну уж нет. Я прилетела в отпуск налегке, у меня ни платья толком, ни туфель. Искать это все в местных магазинах? Я страшно устаю от шопинга, даже если я хожу по знакомым, как пять пальцев, местам. А тут все чужое, да еще совершенно непонятно, что покупать. Не белое же платье? На самом деле, я бы с радостью надела белое – все-таки выхожу замуж в последний раз в жизни. Но невеста в белом в моем возрасте – это ведь только людей смешить. В общем, поженились без церемоний. У Соколова в Перми все схвачено, и загс не исключение: кто откажется оказать услугу члену краевого правительства? Его имя открывает все двери. Мы с Сережкой, посмеиваясь, обозвали происходящее «процедурой брачевания». Немного поспорили о смене фамилии – я бы, возможно, и не против стать Озеровой, но менять все документы? Он, кажется, расстроился, но ненадолго. В один день мы приехали в загс вместе с Соколовым, чтобы договориться, еще через три дня – забежали расписаться, уже вдвоем, без всяких свидетелей. Я надела свое любимое платье: черное, ниже колена и в плотнейшую обтяжку, беспрюганный вариант на любой случай, благо, фигура поз-

воляет. Прическа и маникюр у меня были в порядке, ведь еще недели не прошло, как прилетели из Москвы. Регистратор и бровью не повела: видимо, навидалась всякого, невеста в черном и жених в джинсах – может, и не самый худший вариант. Вечером отгуляли в ресторане, не особого подчеркивая повод. Сережкины деликатные друзья поздравляли не столько со свадьбой, сколько в целом с новым жизненным этапом, с переездом на Урал, выпили и за любовь, которой не страшны никакие приключения и перемены. Вышло здорово. И без заморочек. Их и так было многовато для этих двух недель.

Сережка в эти дни стал особенный, веселый и воодушевленный. Движения упругие и быстрые, часто ерошит волосы и смеется. Мне кажется, он был уверен, что я соглашусь пожениться, но ждал каких-то заморочек с платьем, церемонией и прочей мишурой. И теперь рад, что все прошло легко. Мне слегка обидно, как будто я согласилась пожениться без затей, лишь бы не спугнуть зверя – уверена, мама бы сказала именно так. Но я помалкиваю, а ему некогда анализировать мои чувства. В Серезином расписании нет ни одной паузы. Лавируя в праздничном майском календаре, он успевает сделать тысячу дел: зайти в банк, открыть счет, к нему выпустить для меня карту; заехать на новое место работы, встретиться там с будущими коллегами; смотаться в кадастр, проверить документы на участок и почти законченный дом. График подогнан так, будто он планировал все еще в Москве, в

расчете на то, что я буду на все согласна. С одной стороны, это нормально: он знает, что я давно хотела оформить наши отношения. А с другой стороны, в этом есть что-то до ужаса прозаичное. Вот если бы он сделал предложение в самом начале, ну хотя бы через год после начала отношений! Но он тянул, откладывал, спорил, а теперь провернул все так, будто это какой-то рабочий проект. Никакой романтики. Да и откуда ей взяться? У нас обоих все уже было, мы прошли полный цикл крушения иллюзий с прежними партнерами и друг на друга смотрим без розовых очков. Если уж начистоту, брак – это всего лишь форма юридической зависимости, причем в наши дни он и гарантий особых не дает.

Но раз уж сложилось так, как сложилось... Сережа – точно лучший из кандидатов для такого предприятия. Умный, зрелый, надежный. С таким не страшно стареть. Я потягиваюсь в кресле, как кошка, и с удовольствием смотрю на блестящее новенькое кольцо. Ну побуду снова замужем, что уж тут... Внутри что-то болезненно сжалось. А если опять ничего не выйдет? В прошлый раз во время развода я потеряла четверть веса и половину волос и чуть не загремела в психушку. Если не получится и с Сережей, непонятно, как я смогу это вынести.

Вспоминаю упражнение для снятия стресса: обнимаю себя, перекрестив руки, чтобы парасимпатика отключила реакцию «бей или беги». Длинно выдыхаю, закрыв глаза, успокаиваю дыхание. Растираю ладони до сухого жара и начи-

наю проглаживать себя по бокам. Пальцы задерживаются на шишке в правой груди, и я замираю. Ощупываю ее снова и снова. Грудь не болит уже несколько дней, тяжелая горячая напряженность из нее ушла, лифчик сидит нормально и нигде не давит. Да и эта шишка не болит. Наверно, нужно сходить к врачу. Я ведь была недавно... ну, год назад. Тогда врач в хорошей клинике сказала, что в груди, наверно, жировик, к тому же небольшой и расположен глубоко, у ребер. «Просто наблюдайтесь и все. Никакого повода для беспокойства нет, вы здоровы», – сказала она и с равнодушной улыбкой протянула мне карту. Да, хватит уже нервничать. Мало ли за жизнь было уплотнений, рассосется.

Глава 3

Главное, конечно, это дом. Огромный, пахнущий внутри сыростью и отвечающий нежилыми, странными звуками на шаги и прикосновения, он заморозил меня своей настоящестью. Ничего такого большого и важного до сих пор не было в моей несолидной жизни.

На участке, огороженном высоким глухим забором, растут сосны. Прозрачными еще безлиственными купами стоят кусты – сирень, жимолость, чубушник. А вот тут у тебя будут ягоды, смотри, Наташа: смородина, малина и крыжовник. Я смотрю, стараясь справиться с ощущением нереальности происходящего, и узнаю это мечтательное детское состояние, когда подошвами чувствуешь идущую от земли

силу и сливаешься с ней, и знаешь, что она даст тебе много-много. Чтобы ты могла прожить все, что суждено.

– Ох, прямо голова кружится... У меня же никогда в жизни ни клочка земли не было, Сереж!

– Не волнуйся, справишься. Да тут и справляться не с чем. Кусты и деревья сами растут, ты будешь просто красиво прохаживаться. И качели тебе поставим. А домом я займусь.

– Хочешь сказать, что здесь у тебя появится время на дом? Ты ведь с утра до ночи работаешь, тебя от компьютера не оторвать, – я смотрю на Сережу и мысленно примеряю к нему слово «муж», которое пока как-то не получается произнести вслух.

– На этот дом у меня точно будет время. Я о нем знаю, сколько мечтал!

Он мечтал именно о нем, о доме в своих родных краях, а о чем мечтала я? О покое, о достатке, о возможности повесить собственные занавески и купить столько книг, сколько захочу. Если для этого нужно переехать на Урал – что ж, значит, я это сделаю.

– Кухню сделаем с островом, да? – Я мечтательно обвожу руками пока пустое помещение. – И еще мне нужна кладовая, отдельная кладовая для припасов. Я буду крутить банки, вот!

– Да кому они нужны, твои банки, – брякает Сергей. И увидев мое вдруг погасшее лицо, срочно исправляется: – А вообще, крути, конечно, лишь бы тебе в радость!

Мы спорим азартно, как два ребенка над секретиком, который собирались закопать в особом месте: обеденный стол поставим здесь, а диван и кресла будут обязательно кожаные.

– Как это, кожаные, Сереж, да ты что? Это так неэлегантно, давай лучше купим тканый в стиле честерфилд, такой, знаешь, серенький.

– Ага, и балки на потолке, да? Они вообще не вяжутся с твоим честерфилдом дурацким. И кожаный не будет пачкаться, его тряпочкой протер и все. Ну не расстраивайся, дом большой! Придумаем.

– Ах ты так! Ну хорошо, пусть тогда честерфилд будет в спальне. И стеганая бархатная скамья в ногах кровати. Как зачем? Покрывало сняли, на скамью положили. И подушки, которые днем на кровати лежат. Их будет целая гора, и атласных, и матовых, разноцветных – увидишь, как будет классно, я все подберу...

Никак не можем понять назначение одного помещения. Какая-то странная комната словно прилеплена к гостиной сбоку. Огромные окна заложены с намеком на шик: в уральском-то то суровом климате поди обогрей такую махину! Но смотрят они не на участок, а прямо в лес. Я задумчиво смотрю на подступившие к стеклу сосны, и вдруг ясно понимаю, что тут будет:

– Зимний сад! Сереж, давай, а? Тут поставим растения в кадках, кресла и лампу, и будет идеально. Я тут смогу читать или вязать в тишине, пока ты в гостиной свои боевики смот-

ришь.

– Это что же выходит, мы еще не переехали, а ты уже думаешь, как подальше от меня спрятаться? – он снова ласково притягивает меня к себе, и я с наслаждением утыкаюсь в теплую, знакомо пахнущую шею. Мне нравится быть Сережиной женой. Впервые за очень много лет я чувствую себя защищенной и спокойной.

– У меня будет кошка, – отшучиваюсь. – А у тебя – Соколов. Вы же с ним все время тусить будете, стоит нам переехать.

В Перми на самом деле дружат не так, как в Москве – заботливее, проще и теснее. Мне предстоит привыкнуть к тому, что муж может приехать вечером с работы не один, а с другом, с которым ему надо поговорить. Или к тому, что соседка по лесному поселку запросто стучит в дверь и приносит пирог, ожидая, что я отложу свои дела и сварю ей кофе. За этот короткий отпуск я успеваю заметить много непривычного в размеренной жизни пермских друзей, мысленно прикидываю, как буду адаптироваться после Москвы, где не всегда знаешь, как зовут соседа по лестничной площадке. Пока я не понимаю, как смогу тут жить. И что будет с работой? Я пыталась заговорить об этом, но Сережа только отмахнулся: расслабься, все будет хорошо. Ненавижу эту фразу, она ничего не значит – точнее, как раз значит: отстань и

решай свои проблемы сама.

Сережи уже нет в настоящем. Наша московская квартира останется за нами до Нового года, чтобы я успела закончить дела в издательстве. Но сам он скоро уедет из Москвы, будет работать на новом месте и параллельно доводить до ума наш пермский дом. На это нужно много времени и денег, и Сережа полностью поглощен мыслями о распределении ресурсов. Соколов помог ему взять кредит не в банке, а на новой работе, условия там особые, но сумма все равно головокружительная, дай бог справиться. У нас теперь даже секса нет, Сергей проваливается в сон, едва его голова касается подушки. Я чувствую себя потерянной. Нет, я не жалею, что вышла замуж, но темп изменений для меня крутоват.

– Понимаешь, я же не могу вот так уволиться, с бухты-барахты, – тараторю, спеша за Сережей по зданию аэропорта. – У меня на второе полугодие запланированы книги, которые никто, кроме меня не сделает. Я точно знаю.

Он шагает решительно, поджатые и скривленные набок губы сильно портят его умное лицо – гримаса получается какая-то брюзгливая, бабская. Перевожу взгляд на тонкую полоску обручального кольца. Я хотела стабильности и покоя – вот их цена. Теперь все решения зависят от мужа.

– Ну, конечно, эти твои книги важнее всех наших планов... – Сережа уже выходит из вращающейся двери, глядя одновременно на экран мобильного, по которому ползут мелкие машинки, и на улицу, где их натуральные копии в

полную величину пробираются к своим будущим пассажирам.

– Зачем ты так? Я просто доделаю то, что нужно, и приеду. Просто не сразу. Не через две недели, как ты...

Забираюсь на заднее сиденье такси, продеваю руку под локоть хмурого Сережки и прижимаюсь. Это всегда помогает, хотя поначалу он сидит, как каменный. Справа чуть ниже подмышки чувствую округлую шишку, и сердце вдруг ухает куда-то в бездну.

– Мне еще надо к врачу, – говорю спокойно, но муж меня не слышит. Как всегда в момент ссоры или даже спора, он закрылся от меня непроницаемым барьером. Обидно, но что поделать, никто из нас не ангел.

Я сижу за своим столом в издательстве, совершенно раздавленная прошедшим днем. С самого утра, со встречи с Катей на крыльце издательства, я как будто летела в бесконечную черную нору, как кэрроловская Алиса. Вот только у девочки из сказки впереди были приключения и волшебство, а у меня, похоже, совсем наоборот. Общего у меня с Алисой – только присутствие Королевы, настроенной отрубить неудобную голову.

– Ворона весь твой отпуск ходила и всем рассказывала, что тянет твои тиражи, потому что ты сорвала сроки и легкомысленно уехала, – мрачно сообщила Катя, которая вооб-

ще терпеть не может интриги. Благодаря этому и работает здесь уже больше десяти лет.

– Да я обзвонилась! Столько писем ей написала, она ответила всего один раз: «Наташа, ситуация непростая, приезжай, будем разбираться». И это было вчера! Вчера, понимаешь? – я жадно втягиваю в себя дым от сигареты, которую стрельнула у Кати. – Она же сама меня в отпуск отправила, да еще сказала, что все сделает.

– Ну, это было на словах. А на деле она под тебя, похоже, копает, Наташ, – вздыхает Катя.

Светлана Пална, как назло, уже сидит в своем кресле. На мое приветствие отвечает с холодной улыбкой, брови-ниточки иронично изогнуты над рамкой очков.

– А, ты вернулась, наконец. Хорошо, Наташа. Очень хорошо. Разговор назрел, – и взглянув на часы, начальница встанет и уходит куда-то по коридору.

Я дрожащими пальцами запускаю компьютер, машинально ткнув пальцем в землю в горшке – цветок заботливо полит. Загружаю издательскую систему, вхожу – и вижу пылающие красным строки с двумя наименованиями книг из проклятой срочной серии. Значит, вторую они таки выпустили, а эти две опоздали уже... на сколько? Маркетинг меня убьет. А Ворона сделает контрольный в голову.

Хватаю телефон, набираю номер Райкиной. Нерадивая авторша отвечает лениво и неприязненно, словно я ее разбудила:

– Да, Наталья, что вам нужно?

– Ксения, здравствуйте! Не могли бы вы мне объяснить ситуацию с книгами, которые мы с вами запускали в конце апреля? Я вернулась из отпуска...

– А, ну да, конечно. Вы отдыхали. А нам тут не до отдыха было. Сначала ваша Светлана Пална потребовала переснять все иллюстрации для второй книги, – в голосе Райкиной звучит ядовитая обида, – а потом вообще отменила контракт на третью и четвертую и потребовала аванс назад.

– Что? – от неожиданности ору я. Все оказалось еще хуже, чем я думала.

– Вот и я в шоке! Я наняла фотографа, провела всю подготовку, мы уже почти закончили макеты, и тут вы все отменяете! Как мне теперь говорить с людьми?! – Автор переходит в наступление, как будто совершенно забыв о том, что контракт с ней расторгли из-за низкого качества ее же работы. – Мне что, из своего кармана им теперь платить?

Когда речь идет о деньгах, эмоции нужно отключать.

– Ксения, простите. Мне нужно разобраться. Я вернусь к вам, когда буду владеть ситуацией, – говорю я официальным тоном и жму на отбой.

Светлана Пална вырастает у моего стола с прижатой к груди черной папкой и приветливо улыбается с высоты своего немалого роста. «Аркан Башня – это про крушение всего», – вдруг вспоминаю университетскую подругу Алину, которая умеет раскладывать таро. Ворона и впрямь напоминает баш-

ню. Не хватает только горящих фигур грешников, с воплями выпадающих из складок ее одежд.

– Ну что, Наталья, пойдём поговорим?

– Она просто наслаждалась ситуацией, понимаешь? – я говорю горячо и торопливо, стараясь вовлечь Сережу в то, что переживаю сама. Как будто забыла, что мои эмоциональные всплески действуют на него, как ушат ледяной воды.

– Не понимаю. Она начальник твой. Как она может быть довольна тем, что сорван план, да еще по ключевой позиции?

– Вот и я не пойму! Она же мне ясно сказала, что все делает, даже если я уеду, что план – наша общая задача. А теперь получается, что двух из четырех книг вообще нет, их надо делать с нуля, и контракт с автором расторгнут, а нового автора нет. А вторая книга из серии, которая должна была уехать в типографию еще в апреле, отправлена с опозданием и до сих пор не поступила в магазины. Конкуренты рвут рейтинги продаж, а наша одинокая книжка лежит незаметно, на нее никто и не смотрит. И это вместо того, чтобы делать серию!

Сережа, скрестив руки на груди, смотрит на меня с укоризной.

– Да, вот ты еще на меня так посмотри, мало мне Вороны! – не выдержав напора своих эмоций, я вскакиваю из-за стола и начинаю метать тарелки в мойку.

– Ты не так меня поняла, Наташа, – говорит муж с расстановкой. – Тебе нужно уходить оттуда. Немедленно. С этими людьми работать нельзя. Это безумие просто, за такие деньги так убиваться!

– Сереж, ну что ты опять о деньгах! В конце концов, не только же в них дело!

– Ну конечно. Ты просто так, ради собственного удовольствия, растрачиваешь себя на эти книжки. Но это, извини, не жизни спасать. Это просто бумага. А ты посмотри на себя, в каком ты состоянии. И дома обстановка боевая – из-за чего? Из-за твоей начальницы стервы? Я работаю, как вол, я хочу дома отдыхать, а не слушать твои крики...

Я хлопаю дверь спальни так, что зеркало чуть не срывается со стены.

Глотая злые слезы, сижу в темноте, стискиваю пальцы. Конечно, ему все это кажется ерундой, ведь моя зарплата почти ничего не решает в нашем бюджете, а скоро и вовсе перестанет существовать. И на что тогда будет похожа наша семейная жизнь? Я тихо шепчу обрывки своих горестных мыслей, и это постепенно помогает успокоиться. Снова обнимаю себя, но вместо того, чтобы сосредоточиться на дыхании, непроизвольно тянусь пальцами к безболезненной плотной шишке в правой груди. И снова мне кажется, что откуда-то снизу, из-под поверхности обычной жизни густо звучит страшная тишина...

Глава 4

Мою машину уже отдали знакомому «жучку», чтобы тот продал ее и оформил все документы. В Перми у меня, наверно, будет другой автомобиль, более выносливый и практичный. А пока я езжу на работу на троллейбусе – получается хоть и не так быстро, как за рулем, но зато можно смотреть в окна на весенний, ежегодно молодеющий в мае город.

На маммограмму в клинику меня внезапно решил везти Сережа, который вообще-то всегда занят и к тому же терпеть не может больницы.

– У меня есть время, я потом еще в одно место заскочу, там рядом, – объяснение звучало правдоподобно, хотя, наверно, мне было бы приятнее услышать, что Сережа за меня волнуется. Но может, он и правда ничего не боится, не то, что я.

Я, конечно, уже гуглила и знаю, что бояться есть чего. Проклятая шишка неподвижна – а это верный признак того, что в ней прячется рак. Да я и сама чувствую, что плотный шарик в правой груди чем-то отличается от всего, что было раньше. Раз в месяц грудь набухала и побаливала, иногда в ней можно было нащупать какие-то неопределенные припухлости и уплотнения, но в целом мой четвертый размер – вовсе не источник проблем, а краса и гордость, лучшая часть моей в целом неплохой фигуры. Но эта новая шишка – другая. От нее веет хтонической жутью, я как будто провалива-

уюсь в страшную молчаливую пустоту каждый раз, когда снова и снова мну ее пальцами. Но может быть, я просто накрутила себя, а все не так страшно? Я записалась на маммограмму в модную платную клинику. Всего в двух остановках от дома онкологический институт, в который приезжают больные со всей России, но идти туда ради банального исследования? Только врачей отвлекать, они там заняты настоящими больными, а не дамочками с ипохондрией.

– Подождите пока здесь, лифчик не надевайте, только кофточку, – пропела врач, освобождая меня из железных тисков маммографа.

Я быстро натягиваю блузку, а лифчик запихиваю в сумку – огромный баул, с каким ходят все, по Сережиному выражению, «девушки богемных профессий». Выглядываю в соседнее помещение. Врач с невозмутимым видом что-то печатает на клавиатуре компьютера, и не взглянув на меня, делает мягкий жест рукой в сторону противоположной стены:

– Пройдите, пожалуйста, в ту дверь, нужно еще уточнить кое-что.

В затемненном кабинете с кушеткой у аппарата УЗИ сидит пожилой мужчина с внешностью земского доктора: невысокий и плотный, с умным сосредоточенным взглядом за стеклами очков.

– Не волнуйтесь, мы просто еще раз посмотрим, – говорит он ласково, и я, снова сняв блузку, ложусь на кушетку. В голове нет ни одной мысли.

Аппарат попискивает, головка прибора скользит и ерзает по груди... в основном по правой, но потом «земский доктор» долго изучает и левую, потом велит повернуться сначала на один бок, на другой, поднять руки, чтобы он мог поерзать этой штукой по подмышкам. Даже по спине поелозил. Я пытаюсь, но не могу вспомнить, было ли когда-то в моей жизни такое длительное УЗИ.

Наконец, «земский доктор» мягко произносит:

– Мы закончили. Муж с вами?

– Да, он ждет в коридоре, – говорю я быстро, зачем-то вспоминая, что мужем мне Сережа стал всего две недели назад.

– Одевайтесь, пожалуйста, и пригласите его, пусть войдет.

Я сижу в коридоре перед кабинетом и смотрю на большой черно-белый постер: красивая коротко остриженная женщина смотрит прямо на меня, держа перед собой пышный цветок, вроде хризантемы. На соседнем постере она же приложила руки к груди. На третьем – поднесла ладони к лицу в кокетливом жесте. Я просто смотрю на женщину, оглушенная тишиной в голове – там совсем пусто, ни одной мысли.

Дверь в кабинет УЗИ снова открывается, и «земский доктор» жестом приглашает меня войти.

– Наталья Викторовна, к сожалению, я должен сказать, что образование в вашей правой груди внушает серьезные опасения. Это похоже на раковую опухоль. Размер небольшой, около полутора сантиметров. Но необходимо срочно

начинать лечение. Вам предстоит операция, и в зависимости от анализов, еще химиотерапия и лучевая.

Я молчу. В глубине души я давно понимала, что это рак. Сейчас я просто получила подтверждение. Я не удивлена, не злюсь и кажется, даже не испугана. Просто меня охватила большая тишина.

– Вы уверены? Ведь бывают доброкачественные опухоли, – спрашивает Сережа. Он тоже говорит тише обычного.

– К сожалению, я уверен. Перепутать сложно. У злокачественных опухолей очень характерные рваные края, видите? – врач указывает на экран аппарата УЗИ, где застыла картинка моего обследования. – Опухоль как будто вгрызается в окружающие ткани. Но конечно, нужно делать биопсию, чтобы уточнить морфологию. От этого зависит вся дальнейшая тактика.

Я, наконец, открываю рот:

– Биопсию можно сделать у вас?

Врач разворачивается всем телом и очень внимательно смотрит мне в лицо:

– Можно, но я бы вам советовал не тратить на это время. Оно драгоценно. Лучше сразу обратиться туда, где вы планируете лечиться, – поскольку я никак не реагирую на его слова, он снова обращается к Сереже. – В нашей клинике это невозможно, мы не лечим онкологические заболевания. Проще всего пойти в онкодиспансер по месту жительства, там сейчас все процессы налажены, вас быстро начнут

лечить по мировым протоколам. Рак груди – очень исследованная болезнь, врачи умеют его лечить. Главное, начинайте немедленно.

Сережа кивает на его последние реплики, а я снова подаю голос:

– Но я прописана в другом городе... – много поколений женщин до меня выживали в нечеловеческих условиях. Эта неожиданная практичность, кажется, говорит во мне их голосами.

– Чтобы лечиться по ОМС, нужно иметь прописку в Москве. Возможно, у вас какие-то знакомства найдутся? Платно можно обратиться вот сюда, – он быстро роется в письменном приборе и достает небольшую бумажку, протягивает Сереже. – Но, конечно, бюджет может оказаться очень большим, это зависит и от типа опухоли...

– То есть вы уверены, что это рак? – снова переспрашивает Сережа, и я вдруг чувствую страшную злость. Он так и будет спрашивать, пока ему не скажу то, что он мечтает услышать?

Но «земский доктор» реагирует спокойно.

– Да, к сожалению, весь мой опыт говорит за это, – он разводит руками и делает шаг в направлении к двери. Все вместе мы выходим в коридор, где с трех постеров смотрит в пространство красивая черно-белая женщина с цветком.

«Рас-троенная, – думаю я, – едина в трех лицах. Или триединая, как тут правильнее выразиться?»

– Не теряйте времени, прошу вас, – еще раз говорит, пожимая Сережину руку, нахмуренный доктор, и обращается ко мне. – Вы не хотите принять успокоительное?

Я отрицательно качаю головой и, не попрощавшись, иду по белому коридору к выходу.

Я сижу на пассажирском сиденье Сережиного джипа. Не плачу, не смеюсь, ничего не говорю. Слышу, как тяжело и часто дышит мой муж. Слышу его голос:

– Хочешь, поедem домой?

– Нет, зачем. У тебя же были какие-то дела...

– Можем заехать туда вместе, да? – он очень старается быть заботливым и поэтому выглядит неуверенно. Взрослые люди всегда так выглядят, когда сильно стараются. – Ты можешь сходить со мной, у меня там дел на пять минут.

– Не надо, я посижу в машине, – механическим голосом отвечаю я.

Пока его нет, я чувствую, как по лицу начинают бежать слезы. Они теплые и противные, я не мешаю им скатываться к подбородку и падать на блузку. Нос подтекает, я шмыгаю им и лезу в свою бездонную сумку, чтобы найти бумажные платочки. Тихо подвывая, сжимаю в руке некстати попавшийся лифчик. С какой радостью я его выбирала, представляла Сережину реакцию на новые кружева. А потом надевала эту красоту на то, что теперь меня убьет. Слезы про-

должают капать, я вытираю мокрый нос рукавом и не замечаю, как возвращается Сережа. Он открывает дверь с моей стороны и молча тянется меня обнять. Я не отвечаю на порыв, только хлюпаю носом, а руки безвольно висят вдоль тела. У меня нет сил. Совершенно нет сил. Сережа пытается меня поцеловать, но я мотаю головой отрицательно, и он с коротким яростным стоном закрывает дверь машины с моей стороны. Садится на водительское место.

– У меня все хорошо, все успел. Осталось собрать вещи, и можно выезжать в Пермь, – говорит он в воздух перед собой, выводя машину со стоянки.

– Выезжать в Пермь? – неожиданно яростно кричу я. – В Пермь?! Ты что, вообще не слышал, что мне сказал врач?

– Мало ли, что он сказал. Биопсии еще не было. Они постоянно ошибаются.

– Ошибаются... – шепчу, мгновенно потеряв все силы. Словно это не я кричала минуту назад.

Глава 5

Так проходят два выходных. В субботу мы собираем вещи, которые Сережа хочет отправить в фургоне или увезти с собой. Пакуем чемоданы, складываем коробки. Отделяем его от моего – мои вещи пока остаются в Москве. Я то работаю споро, как ходящая по кругу лошадка, то вдруг, всхлипнув, падаю, как подкошенная, на ближайший стул и начинаю

плакать – долго, отчаянно, совсем без слов. Сил у меня сразу стало очень мало: воцарившаяся внутри тишина пожирает всю энергию. Теперь она похожа на глубокую яму, на дне которой смерть. Прямо внутри моего тела – смерть.

В воскресенье мы едем к маме. Я не смогла бы рассказать ей о диагнозе, но Сережа решил, что это обязательно нужно сделать. Мама сказала только:

– Все понятно. Приезжайте.

Мама и сама живет «с онкологией». Уже восемь лет прошло, как несколько тяжелых операций изменили мамину внешность и весь образ жизни. Это похоже на ДТП – тыходишь в кабинет врача из своей нормальной жизни, а спустя всего несколько минут все бесповоротно меняется. Смерть смотрит в твое лицо, и отвернуться не получится. У мамы была опухоль во рту, ей чуть не отняли нижнюю челюсть вместе с языком. Я только один раз рассказала Сереже, как болела мама, и он попросил меня больше так не делать никогда.

– Все на волоске тогда висело. Третья стадия, опухоль рядом с мозгом... Слава нашел единственного хирурга, который взялся прооперировать маму так, чтобы она могла в будущем есть и говорить. Выживали очень тяжело, кормили через трубки, она так мучалась, бедная... Никогда религиозной не была, а тут я приезжаю в больницу – у нее над койкой молитва мусульманская, русскими буквами написанная. И рядом православная иконка. А на соседней койке в

ее палате лежала женщина, которой нижнюю челюсть все-таки отрезали. А это значит, что ни речи, ничего, понимаешь? Навсегда. Человек без нижней челюсти и есть не может сам, он не способен ни жевать, ни глотать. Пищу приходится измельчать и пропихивать прямо в пищевод. У той маминной соседки было много посетителей, все сплошь женщины в длинных платьях и головы платками повязаны. Как будто из монастыря. Она им все пыталась объяснять жестами, так руками размахивала, они, как рыбы, метались в воздухе. Я до сих пор иногда вижу ее глаза – огромные карие, на очень бледном лице. Даже непонятно, сколько ей было лет... Это невозможно понять, когда половина лица утекает к шее. Зато живая... А мама мне тогда в блокноте писала, если что-то было нужно. Но в основном я приеду – а она хмурится, мычит и машет рукой: уходи, мол. Я выходила оттуда и снова за руль, в свое Подмосковье. И на завтра опять. Три часа по пробкам едешь, пять минут смотришь на нее, а она выгоняет. Напишет иногда: «Зачем ты приехала. Уходи». Потом она жила у меня несколько дней, между больницами... В какой-то момент я захожу и чувствую, воняет. У меня же чисто всегда, знаешь. А тут... Я все перерыла, нашла ее сорочку в диване. Свернута аккуратно и с виду чистая. Но от нее смертью пахло. Я этот запах запомнила навсегда. Слава богу, все позади. Сколько она вынесла, сколько мы все... Слава ее вытянул, без него она бы уже была не здесь...

Мамина болезнь полностью перевернула жизнь семьи. Ко-

гда она вернулась домой из больницы, даже мой родной город, прежде молодой и веселый, стал задумчивым и пожилым: потрескались дорожки, потемнели фонари, некогда стройные кусты сирени разрослись и превратились в лохматые фестоны по краям тротуаров. Вокруг мамы всегда были ученики, и в этом юном окружении общие процессы увядания оставались незамеченными – но после лечения она больше не могла преподавать, и постепенно над домом сгустилась тоска. У мамы были постоянные боли. Рак, к счастью, не возвращался. Но полки и ящики по всей квартире были забиты медикаментами, жизнь строилась от одного контрольного обследования до другого, в гости заходили только самые близкие. Правда, от религиозности, которая обуяла маму в период болезни, не осталось и следа. Суровая учительница вернулась к своему амплу: задавала стандарты, контролировала, строго судила всех окружающих. Мамин муж Слава, обаятельный умница и кумир многих женщин небольшого города, тоже погас. Даже его оптимизма не хватило на то, чтобы жизнь осталась праздником, пусть и неярким, повседневным – но наполняющим теплом и светом каждый день. Теперь в их доме, как когда-то в доме маминых родителей, царило уныние. Но мамины родители были трезвенниками, особенно бабушка. А здесь бутылку водки со стола даже не убирали. Зачем прятать то, что вот-вот снова понадобится?

– Ты вылечишься, даже не думай. Это ерунда, рак груди. Им все болеют, – отдельно произносит мама, держа слег-

ка дрожащей рукой рюмку с водкой. – Давайте за Наташино здоровье!

Все выпили.

– Натуль, ты главное не дрейфь! – Слава ласково улыбается и машет рукой, словно отгоняя муху. – Что там у тебя, грудь, подумаешь! Вот у мамы было – это да. Это ж лицо, ротовая полость, там угроза какая была! И мозг рядом. Облучали ее как! А тут... Сиськи у тебя, конечно, – он осекся, мельком глянул на Сережу, но залихватски продолжил, – отличные. Вот увидишь, просто отрежут маленький кусочек и все, будешь, как новенькая...

Я вздрагиваю, как от удара, резко встаю и выхожу из кухни. Слава мужик отличный, не хочу с ним ссориться.

Маленький кусочек сиськи. Действительно. Подумаешь, ерунда...

– Ты его не слушай. Но и не обижайся! – мама, оказывается, вышла за мной.

– Да я не обижаюсь, мам... Слава тебя спас, я что, не понимаю? Как на него вообще можно обижаться? Просто...

– Он хочет тебя успокоить. А я тебе скажу так, – мамин палец педагогически поднимается в воздух, она говорит громко, не терпящим возражений тоном. – Иди и лечись. Иди к Кречетову. Меня спас не Слава, а Кречетов. У него руки золотые. Он гений. И тебя он тоже спасет.

Ну конечно, не твой муж тебя спасал. Это ведь не он искал хирурга, который согласится тебя оперировать, не он зараба-

тывал на лекарства, сиделку, на бесконечные взятки врачам. В период маминой болезни и Слава, и мы с тогдашним мужем растрясли все запасы до последней копейки. Это если не считать нематериальных ресурсов – нервов, слез, времени.

Но мама уверена, что это был ее личный бой и спас ее один человек – гениальный Кречетов. Интересно, она и правда не испытывает благодарности если не ко мне, то хотя бы к Славе? Все это я думаю, но не озвучиваю – какой смысл?

– Мам, но Кречетов же челюстно-лицевой хирург! А у меня сиська, – мне кажется очевидным, что специализации очень разные, но мама решительно отменяет мои возражения.

– Ты вот никогда не слушаешь, что мы тебе рассказываем. Кречетов недавно открыл клинику, в которой как раз занимается грудью. Какие-то там операции, вроде и пластика, и рак, в общем, все вместе.

– Он ведь делал уникальные челюстно-лицевые операции, почему вдруг такие изменения? – допытываюсь я, как будто это действительно самое важное сейчас.

– Не твое дело, – отрезает она строго. – Главное, Кречетов оперирует грудь. Он гений. И у нас есть с ним контакт. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

– Наверно, мам...

– Сереже своему не мешай. Мужу работать надо. Пусть он едет спокойно в Пермь и делает, что планировал. А ты иди и лечись, поняла?

Я киваю и проглатываю слезы. В родительском доме плакать мне строго запрещается. Интересная штука педагогика. Неужели ласковое слово или объятие даже в трудную минуту – обязательно во вред?

В понедельник, по дороге на работу я отправляю смс на номер, получить который мечтают сотни онкологических больных в стране. А у меня есть контакт: Павел Кречетов, молодой профессор, гениальный хирург, который летает с «гастролями» по всем континентам и делает ювелирные операции, спасающие жизни людей.

«Павел Сергеевич, здравствуйте! Это дочь вашей пациентки NN. У меня рак груди, я бы хотела приехать к вам на консультацию, если можно. Большое спасибо заранее».

Ответа нет. Это понятно, у него может быть операция, или консультация, или перелет. Глупо сразу ждать ответа от врача, тем более такого востребованного. Но я продолжаю тупо смотреть в экран смартфона, и он внезапно раздражается звонком.

– Привет, старушка! Сколько лет, сколько зим!

– Привет, – отвечаю я машинально, с выразительностью автоответчика. Звонит старый друг, с которым когда-то было много всякой романтики, а в последние годы иногда возникали небольшие рабочие проекты. Сережа прилично зарабатывает, но я привыкла иметь собственный доход, пусть

и небольшой.

– Что-то с голосом у тебя. Я в принципе хочу тебе предложить поработать... Но ты не в настроении?

– Антош, у меня рак груди, – я говорю, не особо понижая голос, и вижу, как женщина на сиденье напротив меняется в лице и встает, чтобы перейти в другую часть салона троллейбуса.

– Ох ты ж елки, – Антон сориентировался очень быстро. Его мама болела раком совсем недавно, а сын он заботливый. – Ты как, вообще?

– Я не знаю. Ничего не знаю. Совсем.

– Тебе нужна помощь?

Я молчу, и сообразительный Антон спрашивает более конкретно:

– У тебя есть врач?

– Я сделала первые обследования. Врачу вот написала, надеюсь, возьмет меня.

– Хороший?

– Хороший. Гений. Тот, который маму спас...

– Но у тебя же грудь? – Антон помнит, что у маминой опухоли была другая локализация, отмечаю я. И испытываю что-то похожее на благодарность.

– У меня грудь, но он берет и грудь тоже...

– Ага... – он делает крошечную паузу. – Слушай, я немного растерялся, если честно. Пытаюсь понять, чем могу помочь. Давай я попрошу Женечку Журкову тебе позво-

нить? Помнишь ее? Ты ей тексты писала для большого просветительского проекта?

– Женю я помню, конечно. Она милая. А зачем ей мне звонить?

– Она золотой человек. Я сейчас далеко, помочь толком не могу, а Женя в Москве и она все время всех спасает. Будете с ней на связи...

Прощаюсь с Антоном и нахожу взглядом давешнюю тетку. Она стоит у задней двери троллейбуса и смотрит на меня пристально и мрачно. «Испугалась, наверно», – равнодушно думаю я и встаю. Троллейбус как раз подъехал к моему издательству.

Глава 6

Вообще-то так делать не принято. Коробки с сигнальными экземплярами книг, которые присылают типографии, всегда открывают сами редакторы. Но в данном случае – тираж сдавала Ворона, значит, и открывать ей. Тем более, она опять явилась на работу ни свет, ни заря. С момента возвращения из отпуска мне еще ни разу не удалось побыть в редакции одной до начала рабочего дня.

Когда я подхожу к своему столу, коробка с книгами уже стоит там, потеснив клавиатуру и подставку для бумаг. Бумажная лента надрезана, но похоже, коробку пока не открывали. Видимо, Светлана Пална специально выждала момент,

когда я появлюсь, чтобы с помпой обставить первое свидание с проблемным тиражом. Ей бы режиссером в театре работать, такой талант пропадает. Она вытаскивает из картонных недр тонкую яркую книжонку.

– Ну что ж, обложка вполне приличная, – удовлетворенно отмечает Ворона.

– Так я же ее и сдавала, – спокойно говорю я, отстраненно удивляясь собственной дерзости.

Начальница бросает на меня косой взгляд и продолжает свой спектакль:

– А вот внутри... – холеная рука листает страницы. И как только у матери троих детей, которая живет в пригороде и сама ведет хозяйство, могут быть такие гладкие, нежные руки с безупречным маникюром? Тонкие брови Вороны сходятся к переносице, бликуют стекла модных очков. – Это... провал, Наташа.

Я сходу могу подобрать еще минимум два подходящих слова из шести букв. «Провал» – третий вариант. Я не приближаюсь к Вороне и не тяну шею к раскрытой книге в ее руке, вместо этого молча вынимаю из коробки еще один экземпляр, открываю и вижу сразу все. Типография напечатала тот самый файл с негодными картинками, который прислала Райкина и который нельзя было отправлять в печать. Ничего не поменялось. Они даже не вставили новые тексты, которые я полностью переписала перед отпуском. Интересно, зачем Ворона заставляла автора переделать макет, раз

все равно отправила в типографию тот первый, негодный. Не уверена, что раньше я бы пошла на конфликт. Но теперь у меня есть диагноз, который развязывает руки. Когда собираешься умирать, становится проще делать то, что хочется. Я поднимаю глаза на Ворону и холодно спрашиваю:

– А где же исправления, которые вносила автор? Где мои тексты? Где новые иллюстрации?

– Какие исправления? Ты в своем уме? Ты ведущий редактор, ты отвечаешь за этот тираж! Что ты сдала, то мы и напечатали!

Я киваю, рывком отодвигаю от стола свое кресло на колесиках и усаживаюсь. Я очень зла, но при этом мне все равно. Я даже не достаиваю Ворону ответом. Да, мы договаривались, что Ворона проследит за переделкой макета. Я сделала все, что обещала, а она меня подставила, обманула, испортила важный тираж. Снова листаю книжку, заглядываю в выходные данные. Выпускающий редактор Наталья Лирник. На этот раз Ворона не указала своего имени – не захотела быть причастной к хорошо подготовленному провалу.

– Этот тираж можно оспорить у типографии? – спрашиваю я, хотя знаю ответ заранее.

– На каком основании? Это ошибка редактора, то есть твоя, – сверкает очками Ворона. – Все под нож. Несколько миллионов рублей.

– Понятно, – я снова киваю, снимаю коробку с книгами со своего стола, ставлю ее на пол и неспешно начинаю обычную

процедуру: запустить комп, ввести пароль, ткнуть пальцем в землю в цветочном горшке (снова полито, надо же), открыть блокнот с записью дел на сегодня.

Ворона смотрит на меня в полном недоумении. Где попытки оправдаться, где поиски вариантов действий? Я просто молчу и занимаюсь своими делами.

«Наташ, привет, это Женя Журкова! Когда будет удобно созвониться по поводу прописки?» – всплывает смс на экране телефона.

«Вечером нормально? Часов в 19?» – быстро набираю ответ, не обращая внимания на начальницу.

Ворона встает с оскорбленным видом и, прихватив экземпляр злополучной книжки, удаляется в направлении отдела маркетинга.

Как в течение одного дня можно столько всего приобрести и столько потерять? С утра у меня была работа, диагноз и полная неопределенность с лечением. К вечеру работы уже не было, зато с раком все, кажется, определилось. Кречетов ответил на смс («Приезжайте завтра к двум в Волынскую больницу»), а вечером позвонила Женя Журкова и оказалось, что даже московскую прописку сделать – не проблема.

– Наташ, я тебя умоляю, – решительно отмечает она мои сомнения. – Это совершенно нормально, помогать в такой ситуации. Я могу прописать к себе, но это далеко на юго-за-

паде. А тебе будет удобнее быть на учете там, где ты снимаешь сейчас. Тем более, в Северном округе отличный онкодиспансер. И там живет моя подруга, она тебя к себе пропишет без проблем.

Глубокий, не соответствующий тонкой Жениной фигурке голос звучит так уверенно, что я чуть не реву от облегчения. Но спохватываюсь: «Кому я тут буду рыдать? Неудобно же». И говорю в трубку:

– Жень, я правда не знаю, как благодарить. Наверно, будет правильно что-то заплатить за прописку?

– Наташ, пожалуйста, не сходи с ума, – отвечает решительная Женя. – Деньги тебе еще понадобятся. Сейчас я договорюсь с Надей и еще дам тебе контакт Ирины, она пару лет назад лечилась от рака груди, поговоришь с ней.

Ситуация все больше напоминает работу над проектом: понятные задачи, сроки, ответственные исполнители. Это успокаивает. В конце концов, не первое испытание в жизни. Разных слонов мы по кусочкам едали – глядишь, и с этим справимся. В дальнюю перспективу я не заглядываю. Все равно через пару месяцев помирать. Но эти два месяца я проведу в понятном и привычном модусе: буду планировать и исполнять. Планировать и исполнять.

Я вдруг понимаю, в каком адском напряжении застыло все тело – от пальцев ног до нахмуренных бровей. Глубоко вдыхаю, длинно выдыхаю, пытаюсь выпустить изнутри страх и отчаяние. Мышцы расслабляются, но черная бездна внутри

не меняется: она так же глубока и молчалива. Наверно, хорошо бы заплакать. Но я давно разучилась, и сейчас не получается. Машинально умываюсь и падаю в сон, как в могилу. Сережа уже в Перми, и он не звонит.

Даже хорошо, что вчера Ворона с директором по маркетингу Камилем устроили эту безобразную сцену и заставили меня написать заявление об уходе по собственному желанию. Если б не это, как бы я сегодня ушла к врачу в разгар рабочего дня? В редакции ведь даже время, проведенное в туалете, учитывается по электронной карточке-бейджику. Но мне уже все равно. Поэтому я просто встаю и ухожу, обронив:

– Светлана Пална, я по делам. Если сегодня не вернусь, отработаю в другой день.

И все. Ворона аж забыла, как дышать.

Добираться до Волынской больницы очень неудобно: сначала метро с двумя пересадками, потом на автобусе, который ходит раз в полчаса. Но опаздывать никак нельзя, а значит, такси – не вариант. Когда я наконец оказываюсь на остановке, выясняется, что сегодня автобус не ходит – и прошлого не было, и следующий будет неизвестно, когда. Страшно нервничая, я вызываю такси прямо на остановку, потом в приложении слетает форма оплаты, водитель требует наличных, которых у меня с собой нет – и только разобрав в моей исте-

рической скороговорке страшное слово «онкология», он соглашается принять перевод на карту и уезжает, резко рванув с места.

Не помня себя, я бегу по дорожке среди сочно зеленеющих деревьев и оказываюсь на первом этаже нужного корпуса ровно в два. Здесь я должна встретиться с Кречетовым. Оглядываюсь – никого, кроме больных, которые по случаю летней погоды бродят в тапочках на босу ногу. Значит, надо ждать. Усаживаюсь на пластиковое сиденье в лифтовом холле и продолжаю гуглить. Поисковое поведение – естественная реакция на стресс. Мне нужно как можно больше знать о своей болезни, чтобы обрести хотя бы иллюзию контроля.

Пятилетняя выживаемость. Схемы лечения. Варианты нозологии. У рака огромное количество разновидностей. Опухоли, расположенные в одном и том же органе, могут быть совершенно разными по агрессивности, по-разному реагировать на то или иное лечение. Но конкретную нозологию показывает исследование биопсии, которого у меня пока нет. Значит, мне нужна общая статистика по диагнозу. У меня, судя по словам земского доктора, первая стадия. Это значит, что 90% за то, что я проживу еще минимум пять лет. Предположим, на самом деле все хуже и стадия вторая. Ну что ж, 70% пятилетняя выживаемость – вроде неплохо? Но проклятая привычка к устному счету тут же заставляет прикинуть: сто минус семьдесят – это тридцать. Один шанс из трех, что с этой минуты я не проживу и пяти лет. Это значит – у

меня будет еще максимум пять вёсен. Пять или даже меньше дней рождений. Я смогу пять раз встретить Новый год – если очень повезет. Обратный отсчет начался. Каково это, печь пирог с осенними яблоками, зная, что не доживешь до следующего урожая? Антоновка будет, а меня – не будет.

Конечно, я давно знаю, что рано или поздно жизнь заканчивается смертью. Но, как и большинство живущих, до сих пор я вполне успешно отворачивалась от этой простой истины. У нас даже завещание писать не принято, чтоб не накликать неизбежное. Я всегда была за порядок в документах и завещание у меня есть. Но с того момента, как я узнала о своем раке, ощущение неизбежности смерти словно отгородило меня от окружающего мира прозрачной стеной. Сквозь эту стену проникает только практичное и нужное. Я реагирую на информацию, могу работать и перемещаться в пространстве. Я вижу блики света на листьях, чувствую запах кофе – но никаких эмоций по этому поводу больше не испытываю. «Я умру. Я точно умру. Я очень скоро умру», – монотонно думаю я, рассматривая тонкую жилку на внутренней поверхности запястья. Кожа там полупрозрачная, сосуды просвечивают голубым – значит, холодный цветотип, невпопад думаю я. Чувствую на клеточном уровне, как запущенная в теле программа смерти отстукивает оставшиеся мне секунды, как таймер на бомбе в финале боевика: тик-так, тик-так. Это жизнь, и она вот-вот закончится. С бомбой торговаться бесполезно, жить мне не до ста. Я боялась стареть? Ну вот,

теперь есть все шансы не дотянуть и до пятидесяти. С холодным цветотипом или с теплым – неважно. Тело – мое единственное вместилище, другого способа жить пока не придумали. И это тело меня подвело. Оно словно услышало меня и решило не стареть.

Никаких признаков Кречетова у лифта по-прежнему нет. Я долго думаю, как быть, и наконец, решаю: подожду час от назначенного времени и напишу еще смс. Ответит, когда закончит операцию или прием.

«Павел Сергеевич, здравствуйте! Я приехала к 14, как вы велели, жду вас у лифта».

Ответ прилетает почти мгновенно.

«Второй этаж, кабинет 242».

Проклиная свою несообразительность, я поднимаюсь на лифте (всего-то второй этаж, но почему-то кажется, что лестница мне сейчас не по силам) и сразу вижу толпу, сгрудившуюся у кабинета с указанным номером. Серые лица, обращенные вовнутрь взгляды, прижатые к груди папки с документами. Кто-то сидит, большинство стоит. Открывается дверь – и толпа в едином порыве вздыхает и подается вперед. Высокий блондин в смешной круглой шапочке, врачебном халате и белых кроксах осматривает всех внимательными, цепкими глазами, указывает на меня пальцем:

– Вы кто? Проходите.

И скрывается в кабинете.

Это оказался не кабинет, а какой-то кафельный закуток с втиснутым поперек прохода столом и маленькой кушеткой. Высокая фигура Кречетова занимает, кажется, больше половины объема, и мне не хватает воздуха, чтобы дышать.

– Ну что у вас, давайте?

– Рак груди, – рапортую я.

– Раздевайтесь, – командует негромко.

Поспешно срывая с себя рубашку и лифчик, я быстро говорю:

– Я вам отправила смс, вы мою маму оперировали восемь лет назад. Она из Дубны...

– Я прекрасно помню, – с внезапной живостью реагирует Кречетов. – Ваша мама – настоящий боец. Как у нее дела?

– Все отлично, спасибо, – я тычу пальцем в правую грудь. – Вот здесь.

Крупная сухая ладонь обхватывает мою грудь, длинные пальцы быстро и глубоко прощупывают мягкое, когда-то заветное, ставшее теперь просто куском проблемной плоти. Лицо Кречетова выглядит отрешенным, он словно смотрит теперь пальцами... Шишка в правой груди задерживает его секунд на десять. Потом ощупывает левую:

– А здесь все в порядке?

– Эээ... – тупо мычу я. – Вроде бы да. У меня там была мастопатия, давно...

– Биопсия есть?

– Нет, пока только маммограмма и УЗИ.

– Понятно, – дальше Кречетов говорит негромко, быстро и ровно, без интонаций и пауз. – Я дам вам телефон Виктории Алексеевны, это заводделением. Напишите ей в вотсап, она пришлет список анализов для госпитализации. Спросите у нее насчет биопсии, лучше всего ее сделать как можно скорее. Прямо сегодня. Без биопсии я вас оперировать не могу. Потом делаете все анализы, ложитесь в отделение, операцию назначим сразу. У вас прописка московская?

– Нет, но будет.

– Делайте скорее. Биопсия – это недели две. За это время успевайте прописаться. Документы на ВМП соберем. Вот вам еще список...

На маленьком бледном квадрате царапает несколько строчек, сует мне в руку, словно я сама не соображу взять бумажку. Заботливый доктор.

– До свидания!

И все. Я оказываюсь в коридоре, хватая воздух крупными глотками. И ухожу, ощущая себя в пузыре: женщина, ее рак и бумажка со списком исследований для госпитализации. Чувств по-прежнему нет. Но есть список дел. Держать их в голове нет сил. Значит, буду делать одно за другим. Горизонт планирования схлопнулся до звонка Виктории Алексеевне.

Глава 7

Сделать биопсию в тот же день оказалось невозможно.

Завотделением откликнулась в вотсапе почти сразу, прислала длинный список анализов и распоряжение: «На биопсию приезжайте завтра к 9.30, найдите на 10-м этаже Александра Михайловича». Я думала, что опять нужно будет ехать в Волынскую, но она дала совсем другой адрес – на этот раз на юго-западе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.